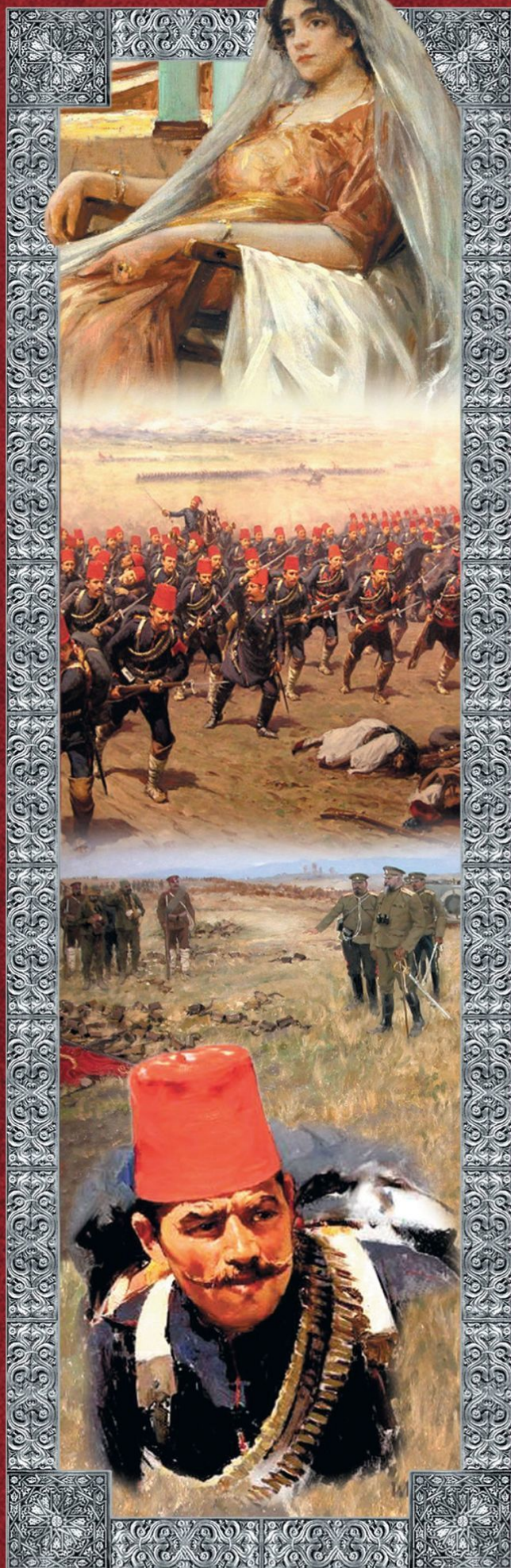

РОССИЯ
ДЕРЖАВНАЯ

АЛЕКСЕЙ
ВИТАКОВ

ГНЕВ
ПУСТЫННОЙ
КОБРЫ

Россия державная

Алексей Витаков
Гнев пустынной кобры

«ВЕЧЕ»

2020

Витаков А. И.

Гнев пустынной кобры / А. И. Витаков — «ВЕЧЕ»,
2020 — (Россия державная)

ISBN 978-5-4484-8134-5

Январь 1916 года. Первая мировая война в разгаре, и неудивительно, что близ Трабзона, на северо-востоке Турции, «жарко», хотя зима выдалась холодной. Местное греческое население, истребляемое турками, восстало. Партизаны, прячущиеся в горах, с нетерпением ждут прихода русской армии, наступающей с Кавказа. Меж тем подполковник турецкой армии Карадюмак Шахин с изобретательностью истинного маньяка продолжает то, чем занимался с начала войны. Грабежам, убийствам и насилию нет конца, так что кое-кто из подчинённых Шахина уже не хочет подчиняться приказам, нет моральных сил. Однако остановить этот ужас может лишь тот, в ком проснулся истинный гнев – гнев Чёрной кобры, змеи миролюбивой, но страшной, если её разозлить.

ISBN 978-5-4484-8134-5

© Витаков А. И., 2020

© ВЕЧЕ, 2020

Содержание

Глава 1	10
Глава 2	20
Глава 3	28
Глава 4	37
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Алексей Витаков

Гнев пустынной кобры

© Витаков А.И., 2020

© ООО «Издательство «Вече», 2020

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2020

Сайт издательства www.veche.ru

* * *

Солнце еще медленно садилось за горный хребет, обдавая заснеженные вершины и густо поросшие лесом склоны прощальным золотым светом, а со стороны моря уже неумолимо нарастали темно-синие сумерки. Завтра все будет наоборот – свет придет с востока, а на запад пролягут тени. Зенон наблюдал это уже на протяжении семидесяти двух лет. Он прикрыл ставни, чтобы не поддувало в поясницу, и присел у жаровни. На плоском медном тазу красиво переливались угли. Старик подбросил несколько сухих веточек и протянул зябнувшие пальцы к теплу жаровни.

– Совсем кровь перестала греть! – обронил он вслух и посмотрел на стену, из-за которой слышались легкие шаги и шорох.

Василики стелила кровать... Как это прекрасно, когда женские руки готовят супружеское ложе. И нет лучшего отдыха на земле, чем этот...

Вот-вот должен вернуться Панделис, сын Зенона. Сын, как обычно, обнимет отца и быстрым шагом пройдет в спальню. Панделис и Василики какое-то время будут шептаться, перебываясь на поцелуи, а потом позовут отца ужинать.

За скрипучую дверь гостиной длинными незримыми волосами зацепился северо-восточный ветер. И никак не мог высвободиться, пока Зенон не встал со своего места и не захлопнул ее... Кыш отсюда. Нам тепло самим нужно...

– Отец, ты зачем перед носом дверью хлопаешь? – раздался веселый голос Панделиса.

– Осень на дворе! – ответил старик и ласково поглядел в сторону вышедшей из спальни Василики. – Пинается? – глянул на круглый живот невестки. – Этот так лупил пятками, что бедная Ефимия не знала, куда бежать. Царство ей небесное.

– Я быстро! – Панделис пошел в хлев, ведя на веревке беспокойную козу.

– Давай-давай, – по-доброму буркнул старик, – вымя хорошенько обмой перед дойкой. Не ты один отведывать будешь.

Про вымя Зенон напоминал сыну каждый день, с тех пор как Василики стало трудно обращаться со скотом. И Панделис даже не думал раздражаться. Ведь впереди всех их ждал самый главный подарок от Бога.

За ужином Василики, оглаживая живот, мечтательно смотрела увлажненными глазами на горизонт. Зенон неторопливо ел чечевичную похлебку, что-то бубня под нос про исчезнувшие зубы, а Панделис ломал натруженными за день руками хлеб и запивал молоком.

– Жена и муж – это как глаза и руки, – начал свою излюбленную речь Зенон.

– Знаю, знаю, – шутливо продолжил Панделис, – когда руке больно, то глаза плачут, когда глаза плачут, руки вытирают слезы.

– Не перебивай, – спокойно возразила мужу Василики, – пусть говорит еще и еще. Мне спокойно, когда говорит отец.

Панделис виновато потупился. Продолжая отламывать куски белого хлеба, он несколько минут ел молча, а потом не выдержал:

– Знаешь, Василики, скажу глупость, наверно. Но я бы с радостью достал с неба для тебя любую звезду.

– Кто по-настоящему хочет влезть наверх, обязательно раздобудет лестницу. – Старик подмигнул невестке.

Они дружно рассмеялись да так, что внутри Василики ребенок замолотил пятками. Она охнула, прикрывая правой рукой живот.

– Эй, вы потише. Разбудили тут нас. Пойду прилягу.

Когда Василики укрылась в спальне, Панделис тихо спросил отца:

– Есть вести от Василеоса?

– Есть, – кивнул старик. – Через месяц или около того здесь будут жандармы. Они снова будут набирать мужчин в амеле-тамбуру. Бедный мой сын, бедный Василеос. Пока тебя не было сегодня, приходила Мария, плакала. Хочет увидеть мужа. Он где-то там. – Старик скрюченным пальцем указал на горы. – А я здесь. И у меня нет сил бросить село и нет сил, чтобы его защитить. Готовь Василики к тому, что вам придется покинуть Самсун.

– Ей через месяц рожать, отец. Куда мы пойдём?

– Не знаю. Здесь оставаться очень опасно. Жандармы наверняка знают, что Василеос укрывается в горах. Откупные вряд ли помогут. Вас просто могут убить. Ты ведь знаешь, что они сделали в Измире. А я не могу.

– Почему, отец?

– Я староста. Если я уйду с вами, то люди проклянут или предадут весь род забвению. Я думаю, у вас с Василики есть неделя-две, не больше. Если не успеете до больших холодов, то не успеете никогда.

– Мы не можем бежать в горы. Ты же сам видишь, какие ветры гуляют. – Панделис покачал курчавой головой.

Старик вновь подошел к жаровне и сел, протянув стынувшие руки к огню.

– Уходить нужно в Трапезунд. Там сильный владыка. У него хорошие связи с русским царем и Московским митрополитом. Скорее всего, русские войска окажутся именно там. И вы будете под защитой.

– Мне страшно оставлять тебя! – Панделис подошел к отцу и ткнулся головой в его сухое плечо.

– Ну-ну, – Зенон потрепал сына по макушке, – я свое прожил. Теперь ваш черед.

– Отец, почему Василеос не взял с собой Марию? – Панделис опустил на пол и посмотрел снизу вверх.

С этого ракурса лицо старика выглядело еще более трагичным: проваленные, изрезанные морщинами щеки, а над ними точно две соколиные скалы – заостренные скулы, сухая, редкая борода чуть ли не сразу переходила в длинные седые брови.

– В их отношениях что-то надломилось, – глухо ответил Зенон, – Мария любит Василеоса, а его любовь к ней с примесью глубокой вины. И это не от глупого поступка. Там чего-то больше. Он вроде нуждается в Марии, но, как только появляется малейший предлог, старается скрыться с ее глаз долой. Семейная жизнь – это в первую очередь радость. Женщина – это легкий пух, подчиняющийся ветру-мужчине. Вот он, наработавшись где-то, возвращается в дом и поднимает ее на руках. Пух радостно кружится, взлетая до самого потолка, а потом оседает на супружеское ложе. Но бывает так, что ветер ищет пух, а натывается на тяжелую жаровню. И вроде есть огонь, который обогреет, но легкости нет. И тогда ложе становится душным испытанием для обоих. Но не нам о том судить.

– Но бывает и пух, который не греет! – неожиданно обронил Панделис.

Зенон вздрогнул и, удивленно посмотрев на сына, непроизвольно перевел взгляд на дверь в спальню, за которой минуту назад укрылась Василики.

– Бывает, – вздохнул он, – легкость тоже не всегда радость. Бывает так легко, что в горле ком и во рту нестерпимо горчит. А сердце стонет от боли. И тогда гонишь от себя рукой этот легкий пух, точно придорожную пыль. Вся жизнь – дорога, с канавами, с рытвинами, с подъемами и спусками. Но есть еще обочины с их привязчивой пылью. Вот поэтому я не сторонник идеи по поводу двух половинок. Человек, на мой взгляд, прежде чем вступить в отношения, должен полностью созреть, точно плод на дереве. Стать законченным. Чтобы не отягощать другого своими незаполненными пустотами и несовершенствами. Чем законченный может почувствовать свободу изнутри. Счастлив тот, кто свободен в выборе своего спутника. И этот выбор не зависит от внешних причин. Многие женщины спешат замуж, думая, что любят, на самом деле где-то в глубине души пытаюсь просто уйти от сложностей бытовой жизни. Бывает, что мужчины приходят в дом жены и все время, пока находятся там, должны всячески демонстрировать благодарность, постепенно превращаясь из ветра в жалкий сквозняк. Привязчивая пыль думает, что спасает другого от одиночества, на самом деле проявляет жестокость по отношению к себе и окружающим. Она не в состоянии ни отпустить, ни поддержать. Мужчина должен пахнуть ветром, женщина – очагом. – Зенон едва успел закончить последнюю фразу, как сон, навеянный углями жаровни, сморил его.

Панделис не стал трогать старика, зная, что если разбудит, то тот уже не уснет до утра и весь последующий день проходит разбитым. Зенон уже много лет засыпал у жаровни. И только с наступлением глубокого сна тело его само могло вытянуться вдоль лавки, но чаще так и оставалось скрюченным в сидячем положении.

Через четыре недели небольшой караван из трех повозок двинулся в сторону Пафры. Во все стороны раздавалась ясная осенняя ночь с огромными, низкими звездами. Луна выпячивала беременный живот, отбрасывая золотую полосу света. Три мула терпеливо тянули свою ношу, изредка переговариваясь между собой на ослином языке отцов. За замыкающей повозкой брели две рабочие лошадки, привязанные двухметровыми веревками за специальные кольца.

Василики держала на коленях чашку с голубикой: ее рука тянулась время от времени за ягодой, а мысли блуждали где-то очень далеко. Она давно уже обратила внимание на то, что тело ее существует словно само по себе, выполняя какие-то действия, а сознание занято совершенно другим. Через несколько секунд она могла не вспомнить, куда положила ту или иную вещь. Сделав что-то, она тут же забывала об этом и повторяла действие, иногда по несколько раз. Поэтому чечевичная похлебка для Зенона была постоянно пересолена, а у любимой козы Марфы то совсем никак, то за вечер по несколько раз менялась подстилка, пока Панделис не взял на себя уход за скотом. Доев чашку с голубикой, через несколько минут она наполняла ее по новой, забывая, что съела только что.

– Василики, не ешь много ягод. – Панделис с доброй улыбкой посмотрел на жену.

– Ой, – девушка плеснула руками, и чашка слетела с подола, – опять увлеклась. Ничего не помню. Трясет очень. Нам долго ехать?

– Прилично. Я должен отойти к развалинам холма. Я нагоню вас. Только не переживай. – Панделис указал рукой на темнеющие в ночи руины.

– Панделис, прошу тебя, не надо.

– Василики, я должен проститься с братом. Василеос ждет меня там. Я быстро.

Панделис хлопнул по крупу мула. Тот в ответ, дернув ушами, издал высокий, но негромкий ослиный крик, дескать, давай, но недолго. Уже через минуту безрукавный кафтан и полоски белой рубахи растворились в сумерках, только шаги по мелкому камню и цоканье копыт вперемежку с тележным скрипом еще какое-то время продолжали доноситься, гулким эхом раздаваясь по понтийскому предгорью.

Между белеющими, точно кости, белыми камнями развалин Панделис нашел брата. Тот стоял на самой вершине холма, глядя сверкающими черными глазами на утонувший во тьме

Амис. За длинный пастушеский посох его вдруг зацепилось своей белокудрой овчиной маленькое облачко, но через секунду сорвалось и полетело дальше, едва качнув посох в тяжелой смуглой руке.

– Василеос!

– Панделис! Поднимайся осторожнее, не беги, здесь большие острые камни. Ты привез провиант?

– Да. Но немного. Иначе бы вызвал подозрительные взгляды. Только одну повозку.

– Хорошо.

Огромные белые камни древних развалин торчали в разные стороны заостренными гранями, похожими на хищные зубы акул, словно являя собой грозную охрану былых времен. Панделис, осторожно огибая препятствия, поднялся к брату на самую вершину.

– Вы правильно делаете, что уходите. – Василеос потуже затянул на себе овчину. – Еще пару недель назад мы перехватили посыльного от Энвер-паши, шедшего в Амис. Он рассказал нам, что в Стамбуле готовится план по уничтожению греков. Они с нами сделают то же, что с армянами.

– То есть призывом в амеле-тамбуру не ограничится?

– Увы, нет. Грекам нужно уходить всем под защиту русского царя. Но ведь большинство не поверит этому. Человеку трудно оставлять нажитое.

– Но это наша Родина! Почему греки должны все бросить?

– Вот поэтому мы будем сражаться. – Василеос горько вздохнул. – Правда, кроме мотыг, оружия никакого. Сегодня турки забирают всех мужчин в рабочие батальоны и по пути в Пирк истребляют больше половины, остальных уже на месте – выживают единицы, – а завтра они погонят все население вглубь страны под предлогом нашей неблагонадежности. И просто всех перебьют, как скот.

– Брат, я хочу остаться с тобой! – Панделис схватил брата за запястье.

– Нет, Панделис. У меня и так много ртов, которые нечем кормить зимой. Ты думай об одном, что Василики любит тебя. Не делай глупостей.

– Мария тоже любит тебя, Василеос. Однако ты здесь.

– У нас нет детей и не будет. А это многое меняет. Ну все. Тебе пора. Мои люди уже разгрузили повозку.

– Может, ты возьмешь и мула?

– Нет. Спасибо. Иначе слишком много вопросов будет к тебе.

– Там отец. – Панделис явно искал предлога подольше побыть с братом. – Смог собрать несколько старых охотничьих ружей. Хоть что-то на первое время. А-а, ты знаешь, Мария не захотела уходить с нами. Она сказала, что...

– Довольно, брат. Есть вещи, которые уже не вернешь. Это ее право.

– Но что она сделала плохого?

– Ничего. Просто мое сердце остыло. Как бы ни было больно, лучше уйти. В этой жизни никто никого не бросает, просто один находит другую дорогу или уходит вперед, другой остается жить в своих воспоминаниях. Никто ни в чем не виноват. Свой путь каждый выбирает по силам и лишь для того, чтобы получить знания для следующей загробной жизни.

– Ты стал мудрым, как отец. И говоришь так же. Я хочу что-нибудь от тебя в дорогу.

Василеос сдернул с головы платок.

– Возьми. К сожалению, больше ничего не могу тебе дать.

Панделис еще долго смотрел в темноту, где растворилась широкая спина брата, держа в руке его платок, густо пахнущий потом.

Он медленно спустился по склону, не замечая, как острые камни царапают тело и рвут одежду. Старый отцовский мул беспокойно стриг воздух большими ушами, нетерпеливо пере-

минаясь с копыта на копыто. Ему явно не понравились чужаки, разгрузившие его повозку. И он провожал их сдавленным, высоким хрипом.

Панделис прижал голову мула к груди и долго стоял так, не сдерживая слез, которые были больше самих глаз.

Глава 1

Неумолимой поступью пришел холодный январь 1916 года. Со стороны моря в сторону Понтийских гор медленно ползли набухшие свинцово-синие облака, возлюбленные дети понтийской зимы. Между ними нет-нет да проблескивал месяц скалозубой улыбкой башибузука в окружении бледных звезд, скорее похожих на еле светящиеся дыры в черном рубище старого дервиша. Над Красной рекой (Халис) нетерпеливо расползлся клубничный туман. Над Зеленой рекой (Ирис) клубился туман из хвои с ароматами янтаря и древесной коры. Река Мерт широко раскинула свои молочные простыни по всему Амису.

Защищенный с одной стороны морем, с другой – горной грядой, с запада – Красной рекой Халис, с востока – Зеленой Ирис, город Амис, или Амисос, находился словно у Христа за пазухой. Про него так и говорили, что когда-то один древний бог, проплывая в своей ладье над этим местом, не выдержал и сбросил вниз мешок с глиной. Из глины появились люди и дома, а потом женщины и домашний скот.

До рассвета оставалось часа полтора. Подполковник турецкой армии, 14-го полка линейной пехоты, кюмакам Карадюмак Шахин стоял возле своей полевой палатки, нервно пощелкивая кончиком хлыста по голенищу кожаной краги. Униформа подполковника образца М1909 серо-зеленого цвета, пошитая в Германии, была тщательно подогнана. Кожаные краги и кожаные перчатки говорили о принадлежности к богатому сословию, и, конечно, Шахин носил неподобающее модное нижнее белье, а еще любил побаловаться сигарой. Дополняли форму золотые пуговицы в немецком стиле. На шелковом воротнике нефтяного цвета, как говорится, вошь не задержится – настоящий армейский щеголь. Несмотря на свои почти пятьдесят, Шахин был еще крепок телом, азартен и патологически жесток. Он никогда не воевал на передовой, но с гордостью носил в петлице ленту героя за последнюю итало-турецкую войну.

Ему не терпелось начать операцию. То и дело поглядывая на широкую улыбку месяца, он про себя сетовал на слишком длинную ночь. Раскурив третью подряд сигару и выпуская через ноздри ароматные струи дыма, подполковник едва не захлебывался от ударов ликующего сердца. Он тщательно подготовился: полторы сотни жандармов, сотня самых отъявленных головорезов и насильников, башибузуки, еще два взвода пехотинцев, вооруженных гранатами и винтовками системы «Маузер» 1898 года, пулеметный расчет. Но самое главное, ему удалось получить аэроплан и несколько бочек авиационного топлива.

Ветер с моря дул в сторону гор, вглубь континента, куда отправляли всех мужчин-греков в возрасте от 20 до 45 лет, мобилизованных в рабочие батальоны амеле-тамбуру. Там, находясь в нечеловеческих условиях, большинство греков умирали. Кто мог, «дезертировал». Эти беглецы по возвращении сбивались в небольшие группы и прятались в горах. К ним присоединялись и те, кто не мог откупиться от воинской службы. Подполковнику Шахину предстояло расправиться с этими плохо вооруженными группами, а заодно примерно наказать остальных. Но бегать по горам и воевать Шахин не торопился, а вот стереть дотла несколько греческих сел и прогнать жителей маршем смерти через горы в безжизненную пустыню вполне входило в его планы.

Он уже потянулся за четвертой сигарой, как из темноты послышались неровные шаги, скрип гальки и учащенное дыхание. В круге слабого света еле горящего костерка показалась фигура пилота-наблюдателя 4-го эскадрона авиации Турции капитана Ахмета Челика.

– А, юзбаши Челик. – Шахин повернул голову. – Не спится? Еще час могли бы... – Коричневые глаза с поволокой, поставленные навывкат, не выражали ровным счетом ничего.

– Вам, гляжу, тоже, кюмакам, – ответил Челик.

– Можно просто, по-немецки – «господин подполковник». Я не очень люблю все эти наши восточные названия. Я ведь, как и вы, получал образование за границей. Хотите сигару? – Шахин полез в боковой карман шинели.

– Нет, спасибо, господин подполковник. Я свои... Как только меняю табак, начинается невыносимый кашель. – Капитан достал любимый «Кэмел», щелкнул большим пальцем по пачке, и из нее тут же высунулась головка сигареты. – Вы совершенно правы, я совсем недавно вернулся на родину и представления не имею, что здесь происходит.

– Сидели бы лучше за границей. Посещали бы оперу или театр.

– Сказать честно, не большой любитель. Я поклонник аэропланов. К тому же – война! Мы – союзники Германии. А это значит, скоро нас всех ждет блестящая победа.

– Вон видите эти селения? – Подполковник указал хлыстом на темнеющие дома. – Уже сегодня, как встанет солнце, мы примерно накажем этих неверных собак. – Кривая, тонкая улыбка коснулась лица Шахина.

– А, разве там не мирные жители?

– Эти мирные жители будут с нетерпением ждать русскую армию, чтобы заодно с ней ударить по нам. Да и вообще, от греков давно пора бы избавиться. Они буквально захватили всю экономику и финансы. Мы, турки, не хозяева в своей стране. Только вдумайтесь! Из пяти банков в Амисе четыре принадлежат исключительно грекам, а в пятом, вроде турецком, больше семидесяти процентов акций тоже принадлежит им.

– Прискорбно это слышать, господин подполковник. Разве это повод для военной операции? И если бы мы больше уделяли времени образованию...

– То?! Ияй-ллаху, меня когда-нибудь вырвет от подобных высказываний, юзбаши. Сколько раз я их уже слышал! – Шахин протянул руку и по-отечески поправил красный ворот на куртке пилота. – Вот так. Конечно, не повод. А кто сказал, что она военная? Мы вначале попытаемся провести переговоры со старейшинами. Как только рассветет, вы подниметесь на своем аэроплане в небо. Если вдруг группы укрывшихся в горах греческих бандитов высунут нос, то немедленно сигнализируйте мне. А вообще, вам выдадут достаточное количество бомб, чтобы атаковать.

– Слушаюсь, господин подполковник.

– Ну вот и прекрасно.

– А наше правительство не беспокоится о том, что мы непременно вызовем встречную волну сопротивления? Да и что скажут западные демократии? – Челик глубоко затянулся.

– Хах... Вы знаете, что произошло в марте этого года в Измире?

– Только слышал краем уха.

– Только слышал он, видите ли. А надо бы знать, молодой человек, как ваши соотечественники проявляли железную волю. Мы хорошо проучили этот собачий город. А если честно, то я испытал истинное эстетическое наслаждение от мучений неверных. Но вначале о тех, кто мог бы осудить нас: европейские корабли стояли в гавани и молча наблюдали. А знаете, почему? Хах... Так они же сами и финансировали весь этот пир шайтана. Православные греки – союзники русских, а значит, никогда нас ни в чем не обвинят. Никогда. Все, что против русских – есть благо для европейцев. Поэтому не стесняйтесь, делайте что хотите: жгите, убивайте, насилуйте. Одним словом, проявляйте какую угодно фантазию. Я познакомлю вас с одним юзбаши – вот уж поистине мастер своего дела. – Шахин прищелкнул языком и снял с головы кабака, чтобы протереть вспотевшую лысину.

Челик почувствовал в горле горький, тяжелый ком. Ему потребовалось отвернуться от глаз подполковника, чтобы проглотить его.

«...Ты офицер, Челик, а потому в твоей жизни будут не только красивые боевые вылеты. В ней, похоже, случится много чего другого...»

Лагерь медленно оживал после ночи. Первыми проснулись повара, за ними музыканты. Последние расчехляли барабаны и проверяли пальцем упругость кожи. Затрещали очаги полевых кухонь. Как только повара дадут знак, что завтрак на подходе, подполковник Шахин командует барабанщикам и те поднимут основной лагерь громкой дробью.

– Ну что ж, пора пить кофе, капитан. Приглашаю вас к своему столу. – Подполковник указал жестом в сторону своей палатки. – Разрешаю вам делать все, мой юный друг, кроме одного, – Шахин громко расхохотался, – пользоваться моим личным нужником. Я, понимаете ли, невероятно брезглив в этом вопросе.

– Благодарю, господин подполковник. С удовольствием воспользуюсь вашим предложением. А по поводу нужника не беспокойтесь, пилоты привыкли это делать в небе. Вам ни разу не доводилось попадать под обстрел птичьей стаи? – Челик озорно сверкнул черными глазами.

– Ах, вот оно как! Ну, буду иметь в виду, заведев вас в небе. – Шахин хлопнул по плечу капитана и легко подтолкнул того к своей палатке. – Ну то есть вы хотите сказать, что брали уроки у птиц?! Очень остроумно.

В палатке подполковника был уже накрыт завтрак. На низком резном столе дымился только что сваренный кофе по-турецки, белели ломтики сыра, украшенные дольками томатов, а еще: ноздреватый лаваш, зелень, орехи четырех видов и медовые сладости.

– Присаживайтесь, капитан! – Шахин жестом пригласил к столу Челика и тут же сам опустился на ковер, скрестив под собой ноги. – Кофе? Рекомендую начать с него. Первая чашка выпивается обязательно натошак. Меня этому научили в Англии. Весь секрет стройности англичан в простом способе: вначале нужно выпить кофе и только потом приступить к пище. Первая чашка убирает волчий аппетит и запускает работу кишечника.

– Я учился в Германии, а там по утрам пьют какао. – Челик устроился поудобнее напротив Шахина. – С булочками и сосисками.

– Пора! – Подполковник откинул крышку карманных часов. – Сержант!

В палатку просунулось помятое лицо кавуса Бурхана Кучука. Рыжие, мокрые усы топорщились в разные стороны, выражая все глубинное негодование своего хозяина. Вопреки приказам сверху о переходе на новую униформу, кавус продолжал носить на голове феску с кисточкой и безрукавный кафтан поверх широкой хлопчатобумажной рубахи на манер янычар.

Дисциплина в турецкой армии на начало Первой мировой войны оставляла желать лучшего: солдаты одевались кто во что горазд, часто смешивая разные образцы униформ, на ногах в лучшем случае брезентовые ботинки, но чаще всего гражданские сандалии, а многие так и просто ходили босыми.

На этом фоне подполковник Карадюмак Шахин выглядел настоящей звездой, упавшей с невесть каких запредельных высот на эту грешную землю. Звездой, поцелованной самим Аллахом.

– Играйте «подъем», сержант! И когда вы, ийй-ллах, будете одеваться по уставу?!

– Как только заработаю достаточно денег! – осклабился Кучук. – Я думаю, Шахин-ага предоставит мне сегодня такую возможность. Но это, – сержант прикоснулся к феске из каракуля, – носил еще мой отец. И завещал мне. А моему отцу передал дед. Она хранит наш род.

– Тьфу. Первобытчина какая-то! Ладно. Выполняйте приказ. – Шахин махнул рукой.

– Слушаюсь, Шахин-эфенди!

– Я не паша!!! Обращаться ко мне только: господин подполковник! Ясно?!

– Слушаюсь, господин подполковник. – Сержант попытался повторить звание по-немецки. Получилось смешно так, что вызвало приступ кашляющего смеха у Шахина.

– Ой, ну умора. Повторить захочешь, не получится.

Вскоре взревели походные трубы и затрещали занозистой дробью барабаны. Командиры выходили из своих палаток, зевая и лениво почесывая волосатые животы, солдаты выползали

из-под телег, а спавшие под открытым небом тяжело поднимались с войлока, стряхивая с себя пепел ночных костров.

– Строго вы с ними! – заметил Челик, пробуя козий сыр.

– Да их пороть надо! А представьте, если настоящая война! Если русские! Это воинство продержится несколько минут.

– М-да, убереги нас аллах от русских! – кивнул капитан. – Кстати, господин подполковник, а какие задачи мы должны выполнить в ходе этой операции?

– Ну, во-первых, найти и казнить дезертиров, бежавших из Пирка. – Подполковник заломил мизинец на правой руке. – Во-вторых, собрать откупные: по 20 золотых лир с тех, кто хочет увильнуть от службы. Хах, но не тут-то было. Мы кое-что приготовили для этих собак. В-третьих, подвергнуть примерному наказанию одно или несколько пригородных сел Самсуна, чтобы подобные фокусы не повторялись. Хотя... рано или поздно все они пойдут под нож. Мы только оттягиваем время.

– Какой приказ должен выполнить непосредственно я? – Лицо Челика заметно побледнело.

– Вам нужно атаковать партизан бомбами, если они появятся, и не давать возможности убежать в горы от правосудия тем, кто его заслуживает!

– Кстати, господин Шахин, – Челик поднялся со своего места, – вам ведь скоро уже пятьдесят, а почему вы до сей поры в подполковниках?

– Капитан! – Шахин вздернул бровью. – Мы с вами не в столь близких отношениях!

– Разрешите выполнять приказ?

– Да, капитан. И сделайте это как истинный сын Аллаха.

Как только фигура капитана Ахмета Челика скрылась за тяжелым пологом палатки, Шахин вытащил из кобуры револьвер и, несколько раз прокрутив барабан, что-то прошептал над зияющим дулом. Черные с поволокой глаза его сузились, лицо вытянулось вперед, а плечи поднялись к скулам. Весь облик стал напоминать гюрзу, готовую нанести беспощадный удар.

– А теперь пусть придет она. Аелла. Я сгораю!

Легкая тень бесшумно выпорхнула из-за ширмы. Белое платье с широкими рукавами, в которые можно поместить все население Амиса вместе с пригородами, алый передник с синими вставками, волосы, стянутые белым платом. На длинной шее тонко подрагивал «муравей в смоле». Рот – открытая, нежная рана с идеальным рядом белых зубов. И дыхание – букет горных фиалок. Рука – чуть вверх, широкий рукав сползает к локтю, обнажая перламутровое предплечье.

– Я изнемогаю, Аелла.

– Тсс. Знаю-знаю, насколько сильно ты зависишь от утренней близости, мой шах! – Указательный пальчик лег на мужские губы.

– Только не пытайся мной манипулировать, понтийская колдунья. Ты можешь есть с этого стола столько, сколько в тебя влезет, но только до тех пор, пока я владею тобой!

– О-ого! Это что-то новенькое, мой повелитель. Я на все согласна. Ха-а-ах! Но все зависит от того, насколько ты голоден?!

– Но ты ведь тоже голодна. Когда ты последний раз ела? Твой голод в глазах не слабей моего.

– Должна признать! – Аелла опустила голову. – С чего начнем, мой шах?

– Мы все можем делать одновременно! – Обе руки подполковника полезли под подол, обнажая смуглые колени и бедра с неземными линиями. – Ты узнала о том, что я просил?

– Да. Он заплатит тебе.

– И все? – Шахин прикусил женщине мочку уха.

– А-а-а-а... За последнюю неделю в горы никто не ушел. Напротив, многие поверили обещаниям и спустились в долину.

– Значит, атаки не будет, я правильно тебя понимаю?

– Да, ты можешь смело идти сам вместе со своими солдатами, а не отсиживаться в лагере.

– Хорошая весть. А какова причина?

– У них нет оружия. – Аелла высвободилась из челюстей Шахина и села в позе наездницы у него на коленях. – Но хочу тебя предостеречь, мой шах. Мне очень не понравился этот Челик. Что-то есть в его взгляде неприятное.

– Что тебя настораживает? – Шахин просунул между губ девушки ломтик десерта.

– Пока не могу сказать. Я только об одном прошу тебя, милый Карадюмак, никакой резни. Я изначально пошла на это, потому что не хочу крови. Все, кто может, отдадут деньги, возьми больше, если тебе необходимо, но не убивай, молю тебя. Это мой народ.

– Я ничего тебе не обещал, женщина. Кроме своей страсти. В моей груди сидит боль после твоей той измены. И я не могу ее никак вырвать. Понимаешь? Лично буду сдирать с него кожу, но медленно и, пока он будет еще живой, сварю в кипятке его половые органы. Я не знаю еще способов избавления от этой сосущей боли, кроме изощренной мести. Если бы я мог, то подверг бы тебя такой чудовищной казни, что содрогнулось бы вечное синее небо. Но я не могу. Я слишком зависим от тебя. И ты этим пользуешься. – Шахин длинно выдохнул.

– Тебе не в чем упрекнуть меня! – Аелла смотрела исподлобья, сдвинув густые брови.

– Ладно. – Подполковник сглотнул. – А сегодня я разделаюсь с Зеноном. А то я не знаю, что его старший сын прячется в горах вместе с такими же, как он. Все. Пошла прочь. – Подполковник оттолкнул девушку и вышел из палатки.

Солдаты, башибузуки и жандармы уже стояли в боевых порядках. Командиры ждали привычного взмаха белого платка.

Шахин еще раз оглянулся на палатку, и узкие губы его сжались в почти невидимую полоску.

* * *

И началось... Ровно в восемь часов утра почти все подразделения подполковника Шахина покинули лагерь и двинулись к ближайшему греческому селу, выстраиваясь, по ходу движения, в огромный полумесяц.

Сам подполковник находился внутри пехотного взвода регулярной армии, прикрытый плотным строем своих солдат, шедших с ружьями наперевес. С правого фланга наступали жандармы, с левого наемники-башибузуки. Воздух пузырился от барабанной дробы и четкой поступи. Пыль клубами отлетала из-под ног наступающих и тут же отбрасывалась ветром в сторону моря.

Греческие старосты вышли навстречу с непокрытыми головами в знак полного повиновения. Горный понтийский ветер, вынырнувший из-за перевалов, дул отрывисто и резко. Пыль, поднятая им, оседала на жидких, седых волосах стариков. От волнения у многих тряслись руки и головы, а глаза были опущены долу.

– Что ты хочешь мне предложить, Зенон? – выкрикнул подполковник, глядя на одного из старост.

– Мы собрали все, что у нас было. Вот. – Грек протянул суму с золотыми лирами.

– Ты предлагаешь мне их пересчитать?

– Мы не собираемся тебя обманывать. Здесь ровно столько, чтобы откупить всех мужчин нашего села от мобилизации. Если они уйдут, некому будет работать на земле, и мы все погибнем, а вы недополучите нашего урожая в свои закрома.

– А как же дезертиры, Зенон? Кто мне за них заплатит? По законам военного времени они должны подвергнуться наказанию! – Шахин выкрикивал из-за плеча одного из своих солдат, то озираясь по сторонам, то глядя в небо.

И вот со стороны Красной реки вначале послышался шум приближающегося мотора, а затем показалась черная точка. Подполковник облегченно вздохнул... Это Челик. Ну наконец-то...

– Из нашего села, обещаю, больше не будет ни одного дезертира, уважаемый Карадюмак-эфенди.

Подполковник сделал вид, что не слышит старосту. Достав из кармана шинели сигару, он по-щегоольски чиркнул спичкой о португеею. Вспыхнул огонек, сквозь который Шахин, как загипнотизированный смотрел несколько секунд, как черная точка в небе постепенно превращалась в летательный аппарат.

– Этого мало. Очень мало, – протянул он и сделал знак одному из наемников.

Сжах!.. Сверкнуло лезвие сабли, и голова одного из старейшин с изумленным ртом отделилась от туловища. Алый фонтан ударил вверх и в стороны, обдавая стоящих поблизости. Зенона качнуло, лицо старика сжалось так, что не стало видно глаз.

– Господи! За что?! – Старик рухнул на колени.

– А теперь слушай меня внимательно, Зенон, если хочешь жить сам и сохранить жизнь своего села. – Лицо Шахина расплылось в звериной улыбке. – Слышишь?!

– Да, – хрипло выдохнул Зенон.

– Сейчас ты отправишь одного из этих глубокоуважаемых старцев в свое село собирать недостающие деньги. Принести нужно столько, сколько есть. Все до последней серебряной нити из платья ваших женщин. Потом я устрою обыск, и если мои солдаты найдут хоть одну единственную серебряную песчинку, то казнь все село. А мы с тобой тем временем займемся очень ответственной процедурой: в присутствии моего нотариуса ты переоформишь на меня все банковские бумаги вашей общины. Я ведь ничего не путаю: акции и закладные бумаги на земли хранятся у тебя? Отвечай, собака!

– Да. – Плечи Зенона вздрагивали от слез.

– Ну вот и прекрасно. Если все пройдет гладко, вы продолжите жить на своей земле, возделывать ее, но процент начнете платить, хах, кому, досточтимый Зенон?

– Я тебя понял, Карадюмак!

– Ты обращаешься ко мне по имени, словно бы мы с тобой старинные друзья-приятели. Ну и что. А меня это забавляет. Ну что ж, приглашай скорее в свой дом дорогих гостей, почтенный Зенон.

Через час с небольшим подполковник Шахин вышел из дома старосты, удовлетворенно поправляя португеею. Это был его день. Светило солнце, и он видел, как над рекой Халис вставал утренний клубничный туман, а над Ирис плыл туман изумрудный. Адьютант гордо держал в руках банковские акции и бумаги нового хозяина земель. На телеге уже громоздились принесенные греками вещи: еще один мешок с золотом, платья с золотыми и серебряными нитями, кольца, серьги и другие украшения. Отливали пронзительным светом сваленные в кучу серебряная посуда и столовые приборы.

– Сержант Бурхан Кучук! – прищелкивая языком, позвал подполковник.

Грузная фигура кавуса с одутловатым лицом мгновенно выплыла из-за телеги с «трофеями».

– Сержант, хватит засматриваться на чужое добро! Все, что принесли эти собаки, то принадлежит мне лично, а вы, – Шахин окинул взглядом своих солдат, – свое возьмете сами. Даю вам времени до вечера. Шайтан всех задери, я привык спать в своей постели, так что поторопитесь.

Но солдаты в нерешительности переминались с ноги на ногу, никто не мог начать первым. И нужен был спусковой крючок.

– Э... господин подполковник, может, вы отдадите более конкретный приказ? – Сержант Кучук с вопросительной жалостью поднял глаза на своего командира.

– Чего тут непонятного? Возьмите себе столько, сколько унесете из их домов. К закату повесьте мне двадцать любых, на ваш вкус греков-мужчин. А собственно, и все.

– А что делать с этим? – Сержант кивнул на Зенона, который в тот момент выходил из своего дома шаткой походкой. Казалось, старик сошел с ума: он что-то бормотал под нос, кусая беззубым ртом рукав ветхой рубахи.

– А, с этим! Про него-то чуть не забыл! – Шахин посмотрел на старосту. – То что сделали римляне с их Богом. Распните его. Да повыше, чтобы издали было видно.

Кучука отшатнуло, и он едва сдержал приступ рвоты. Мужиковатый и неотесанный турок, выкатив глаза из орбит, тупо смотрел себе под ноги. И тут что-то резко звякнуло о камень. Семилетний мальчишка-грек не удержал за пазухой чайную серебряную ложку.

– Ну вы посмотрите на них! – ощерился Шахин. – Я к ним с добром и справедливостью! А они!.. И вы еще не знаете, с чего начать! Запорите его на глазах у матери. Вы видите, – крикнул он солдатам, – они вас обманывают!

...Аллах акбар... Вой из нескольких десятков солдатских глоток разорвал утренний воздух. Сержант Кучук с размаху ударил кулаком Зенона. Упавшего старика тут же схватили за ноги два наемника-башибузука и поволокли по улице. Сержант отыскал глазами пару бревен, схватил их и потащил волоком. У сельской церкви с Зенона сорвали одежду и стали бить хлыстами. Сморщенное тело старика ужом извивалось в январской грязи под хохот и улюлюканье осатаневших турок. А сержант Кучук, закатав по локоть рукава, прибывал поперечные доски к бревнам. Когда Зенон потерял сознание, его подняли, встряхнули несколько раз и, убедившись, что хлыстами с него взять больше нечего, бросили на чудовищный крест.

Ему растянули руки. Сержант взял молоток и прицелился гвоздем в морщинистую ладонь.

– Э... не так, – раздался вдруг поверх гула голос Шахина. – Прибивайте не через ладонь, а через запястье. Там есть нерв, и если его повредить, то большой палец замысловато вогнется внутрь ладони. Будет словно на картине. Не помню, где я ее видел, кажется в Париже, но меня впечатлило. Ага. Вот так правильно. А теперь ноги. Сгибайте в коленях. Вот так. И прибивайте одним гвоздем через пятку. Римляне не тратили много металла на преступников. А теперь мажьте его смолой с медом и обсыпьте куриными перьями.

Наемники кинулись выполнять. Они ловили носившихся кругами обезумевших кур и ощипывали их живыми.

Когда крест с телом подняли и стали опускать в яму, Зенон очнулся. Весом тела ему сдавило легкие, рот судорожно раскрылся. На прибитых ногах он приподнялся, чтобы сделать вдох. Несколько секунд держался, громко втягивая в себя воздух. Кожа на тощих ребрах растянулась до предела. Изо рта вырывался глубокий, нечеловеческий стон. Вдох, другой – плоть по залитому кровью бревну скользит вниз до нижней точки. Хрип. Глаза неестественно раскрыты. Легкие придавлены грудной клеткой.

– Вот так! Вот так! – излучая животную радость, кричал Шахин. – Вверх, а потом снова вниз. Вверх и вниз. Какое незабываемое зрелище! – Он чиркнул спичкой и поджег перья. – Какой божественный свет, а! Какая чудная лампа! Жаль, что сейчас не темное время суток. И это не мой любовный будуар! Что, больно тебе, тварь?! А мне не больно?! Это ведь один из твоих выблядков наставил мне рога! А знаешь, тварь, чтобы закончить мучения, римляне ломали распятым голени. Но ты не дожدهшься такой милости от меня. Вверх-вниз. И так до тех пор, пока сам не издохнешь.

Зенон еще несколько раз приподнялся на кресте и затих в нижней точке, совершив невероятное усилие над собой. Смерть пришла от удушья довольно быстро, не позволив палачам насладиться мучениями. Огонь мелко подгрызал его бороду и пучки седых волос на голове.

Ему было уже все равно, что происходит вокруг. Душа, подброшенная порывом горного ветра, отлетала к чертогам Творца. Куриные перья вместе с колючими искорками вязко клубились в солоноватом воздухе. Море и человеческая кровь состоят из соли. В этом великая загадка Творца.

Раздосадованный подполковник сплюнул себе под ноги.

– Эр-онбаши Калыч! – позвал Шахин.

Бравый тридцатилетний капрал вырос из клубов дыма, глубоко шмыгая носом и поправляя форму.

– Я здесь, господин подполковник!

– Вы, как вижу, время зря не теряли! Ну и каково на вкус греческое мясо? – Шахин подмигнул. – Не отказывайте себе в этом удовольствии. Когда насилуешь на войне, это не то, что покупаешь в доме терпимости. Совершенно другие специи, не правда ли? Чувствуешь себя полноценным мужчиной. Кстати, у меня нет предрассудков по поводу полов. Лишь бы было полезно для души и здоровья! – Подполковник снова подмигнул.

– Все во имя Аллаха, господин подполковник!

– Ну-ну, полноте. Иногда нужно подумать и о себе. Мне здесь больше делать нечего. Остаются за старшего. Но не переусердствуйте. Двадцать повешенных, и не более. Женщин можете... да всех. Будет больше поводов их потом истребить. А пока хватит и этого.

– Так точно, господин подполковник!

– Ну, в добрый час, капрал.

Шахин пошел по направлению к лагерю, довольно пощелкивая хлыстом о голенище краги. Вслед за ним катилась, запряженная конем-тяжеловозом переполненная телега награбленного добра. Охрана, которая плелась, обступив начальника, недовольно посверкивала глазами в его сторону – им сегодня ничего не достанется!

– Ничего, ребята! Обещаю, что в следующий раз все лучшее заберете вы!

Шахин, прищурившись, посмотрел в небо, где самолет Челика описывал дугу над дымящимся греческим селом.

* * *

Летательный аппарат Ахмета Челика «Фоккер Таубе» далеко не являл собой чудо по последнему слову техники. Выпущенный за год до Первой мировой войны, моноплан обладал мощностью 75 л.с. и использовался в основном в нуждах разведки. Пилот мог атаковать неприятеля только с помощью револьвера и ручных гранат, ящик с которыми прикреплялся к правому борту. Но тем не менее преимущества были налицо: за час моноплан мог облететь территорию, которую лошадь преодолеет в лучшем случае за сутки. А в условиях горной местности просто был королем всех наблюдателей. От него невозможно было укрыться даже в самых труднодоступных местах. С появлением таких аппаратов ни гора, ни река, ни камыш не являлись больше надежным укрытием. Спрятать мог только густой, высокий лес или плотный туман. Но и недостатков у первых машин тоже было много. Они часто ломались, легко сбивались из обычных ружей, поскольку отсутствовала какая-либо защита, кроме бортовой фанеры. Боялись дождя, снега и сильного ветра. Пилоты часто обмораживались на больших высотах, а на низких любая помеха с земли, будь то птица или обычный легкий мусор, могли вывести аппарат из строя. И все же при всех минусах, подразделение, имевшее небесную машину, заметно превосходило любого неприятеля.

В то утро Ахмет Челик, садясь в кресло пилота, еще не знал, в какую историю его втягивает подполковник Шахин. Застегнув шлем, привычно поправив плотные очки и подтянув перчатки с крагами, он жестом приказал помощнику толкнуть винт. Машина, пробежав по

земле пару сотен метров, плавно взмыла вверх. Взору Челика открылись голубые Понтийские горы, протянувшиеся вдоль всего побережья на 1000 километров.

Высота гор плавно возрастала по направлению с запада на восток. С высоты птичьего полета были хорошо видны несколько параллельно идущих хребтов. Труднопроходимые, являя собой крутые склоны и отсутствие долин, большие участки гор покрывали ореховые и хвойные леса, а многие вершины укутывал вечный снег, от которого даже сквозь очки Челику резало глаза.

Набрав приличную высоту и взрезав винтом стадо сиреневых облаков, он совершил большой круг радиусом в полторы сотни километров. Потом спустился ниже.

Над одним из греческих сел клубился черный, едкий дым. Клубы дыма то и дело порывистый ветер сметал в стороны, обнажая сцены из Апокалипсиса. В тот день Бог уберег сердце Челика от этих сцен. В двух километрах он заметил группу крестьян, вышедших из древних развалин. Издали капитану показалось, что люди вооружены, но, подлетев к ним ближе и снизившись на сотню метров, он рассмотрел лишь мотыги и прочие орудия труда. Группа была небольшая, человек пятнадцать, поэтому всяческая угроза для подразделений Шахина исключалась. Но все же, решив перестраховаться, Ахмет Челик сделал полукруг над ними и выстрелил пару раз в воздух из револьвера. Затем, увеличив от группы дистанцию еще на пару сотен метров, он сбросил две гранаты. Крестьяне попятнулись от взрывов к развалинам и неожиданно исчезли, словно провалились сквозь землю.

Капитан вновь направил свой моноплан в сторону горящего села. Он не мог даже мысли допустить, что подполковник регулярной турецкой армии мог проявить жестокость в отношении мирного населения. Такому в германской академии не учили.

От сильного порыва ветра высоко в воздух взлетели куриные перья, пух и прочий бытовой мусор. Так высоко, что винт врезался в это облако и двигатель предупреждающе кашлянул несколько раз. Капитан не стал испытывать судьбу и взял курс к лагерю.

В центре села у деревянной церкви Святой Троицы на кресте дымилось тело старого Зенона. Удушливая черная копоть и запах горелого мяса густо расплзались в разные стороны, достигая окраинных домов. Перед крестом в окровавленной одежде Николас Ионидис рвал на себе волосы и хрипел:

– Зенон, зачем ты попросил у нас ружья?! Мы отдали их тебе. И теперь нас забивают, точно скот.

Двух сыновей Николаса повесили перед церковью вместе с еще восемнадцатью молодыми греками. Третьего пощадили. Но лишь для того, чтобы запереть в церкви, а затем погнать через хребты Понтийских гор в далекую, безводную пустыню Каппадокии. В амеле-тамбуру.

– Зенон, верни мне ружье. Я хочу умереть, Зенон. – Грек рухнул на землю перед распятым старостой. Выломился в обратную сторону подковой, так что пятки едва не достали затылка, и забормотал что-то обрывистое и непонятное.

Мальчик, уронивший серебряную ложку, давно не кричал. Один из наемников-башибузуков заперел его до смерти на глазах родителей прямо на веранде родного дома. Связанный отец ничего не мог поделать, только выл тяжелораненым волком, а потом просил пули, когда насильовали жену. Побуревшая, измочаленная пеньковая коса, которой привязывали скотину, а потом били мальчика, валялась прямо на проезжей части. По ней ходили, давили тележным колесом, вбивали в землю копытом, а она не исчезала, словно сама земля вновь и вновь выдавливалась ее из себя.

Башибузуки хватили детей и сдирали кожу с конечностей – на руках до локтя, на ногах до колен. Через пару дней такие раны загноятся, и если вовремя не сделать ампутацию, то всех их уничтожит гангрена. Садистская изощренность заключалась еще и в том, что грекам самим придется оперировать детей.

На головы старикам надели мешки из овчины мехом внутрь и, облив соленой водой, стали коптить с помощью факелов. Через час от такой пытки человек становился навсегда безумным. Никогда и никто в этом селе больше не услышит ни мудрых рассказов, ни поучительных советов. Навеки из памяти уйдет опыт нескольких поколений предков.

Навеки исчезнет понятие о светлом и счастливом детстве. С тяжким звуком лопнули нити, связывающие стариков с детьми, а жен с мужьями. Почернеют от боли дома, став холодными и беззащитными, не способными уже больше никому служить крепостью и тылом.

Только страх и нечеловеческая боль завладеют душами и сознанием переживших это. Страх, который на всю жизнь заставит озираться по сторонам, вздрагивать и кричать во сне, испытывать озноб с приближением ночи и с появлением нового дня.

Боль, поселившаяся в каждой клеточке плоти, от кончиков пальцев до глубин судорожно бьющегося сердца. Она будет за каждым произнесенным словом, за каждым жестом и движением, за каждым взглядом. Она навсегда станет основной линией в жизни понтийского грека.

От зверств наемников цепенели как сами турецкие жандармы, так и выдавшие виды солдаты регулярной армии. Но даже они не решались хоть полупонамеком пойти против них, предпочитая, отвернувшись от ужасов, отдаться грабежу.

Кавус Бурхан Кучук с налитыми кровью глазами врывался в дома и бил налево-направо своими кулаками-кувалдами. Отнимал и вытаскивал все, что попадалось на глаза: посуду, утварь, одежду. Выворачивал с корнем ягодные кусты в поисках зарытых денег. Жег дома и постройки для скота. За ним следовали его солдаты, не отставая в тупой алчности от своего командира.

В одном из домов он нашел столетнюю старуху, которая лежала на кованом сундуке. Сержант схватил ее, точно тощую кошку, но оторвать от сундука не смог. Старуха приковала себя амбарной цепью за талию к скобе, а ключ от замка не отдавала. Тогда турок рванул из-за пояса саблю.

Старуха жутко засмеялась. Поднесла сухой кулачок к беззубому рту.

– Давай, – кашлянула, – мы оба посмотрим на мою смерть. Я так стара, что уж и не дождусь.

Сержант сделал шаг назад. На секунду замешкался. Блеснула зазубренная сабля и одновременно со звериным рыком опустилась. Тело старухи распалось на две части по обе стороны сундука. Вывалились длинные, темные кишки.

В сундуке оказались вещи, приготовленные для похорон: белая с широким рукавом рубаха, темно-синяя в желтую клетку юбка и расшитый орнаментом белый передник.

Кучук с досады хватил одного из солдат кулаком в ухо. Тот винтом улетел в угол и затих.

– Тьфу ты, собачий отросток. Спишем на греков. И не вздумай мне, – погрозил он одному из подчиненных.

– Я, я-я ничего не видел, – замямлил солдат.

– Нет, видел. И подтвердишь, что она ударила его поленом, – указал сержант на старуху. – Сзади подошла и ка-ак! Понял?

Солдат часто затряс головой.

– Вот то-то же. У-у, тварь. – Сержант пнул голову старухи и вышел прочь.

К вечеру, когда наконец равнодушное солнце скатилось за горы, подразделения подполковника Шахина покинули село. Скрипели тяжело нагруженные награбленным воловьими и конскими телегами, двигаясь в сторону лагеря. Многие солдаты и жандармы шли, натянув на лица платки. Одни молчали, другие, напротив, нервно и громко шутили. Замыкала колонну телега с мертвым турецким солдатом.

Глава 2

Двумя неделями ранее...

Незаметно подкрадывались коричневатые сумерки, когда на половине пути между Ами-сом и Пафрой повозки остановили жандармы. Панделис пошел было вперед, чтобы выяснить причину, но Василики задержала его.

– Я так устала, любимый. Когда мы приедем? Я уже хочу вытянуться на мягкой постели. Двое суток пути – это тяжелое испытание.

– Василики, у тебя в последнее время два любимых слова: «хочу» и «когда». Я быстро.

– Постой, милый! Без тебя разберутся! – Рука женщины крепко вцепилась в запястье Панделиса. – Мне стало казаться, что ты охладел ко мне! Я правда стала некрасивой! Растолстела, и грудь обвисла под тяжестью.

– Что ты, глупая! – Мужчина потрепал по щеке жену. – Я тебя очень люблю.

– Нет, – замотала головой Василики. – Помнишь, как раньше?..

– Что раньше?..

– Раньше ты часто просил меня раздеваться перед тобой и подолгу смотрел на мою грудь. Зенон говорит, что мужчине надо смотреть на женскую грудь – это как-то положительно влияет на здоровье и долголетие.

– Ну, отец. Не ожидал от него такого! – Панделис от смеха откинулся назад.

– И женщине надо, чтобы на нее смотрели глаза любимого. Тогда она может излечиться от всех болезней. Не смейся. Но когда мужчина смотрит, то снимает дурной глаз, а иногда даже защищает от порчи.

– Где ты этому всему набралась, Василики?

Жена Панделиса опустила голову и стала перебирать в руках край платка.

– Мы с Зеноном подолгу откровенничали, пока тебя не было. Он всегда повторял, что женская грудь творит чудеса. Вот запомнила из его рассказов, что когда какой-то город осаждали враги, а мужчины этого города находились в нерешительности, то женщины все, как одна, поднялись на крепостную стену и обнажили грудь, давая понять своим мужьям, что если вы нас не защитите, то мы достанемся врагу. И мужчины, ринувшись в бой, победили.

– Господи, Василики! Да что это с тобой сегодня! Отец может такого понарасказывать, только вовремя уши закатывай. Если его послушать, то земля, на которой мы живем, была когда-то телом великой богини. Но она пожертвовала собой ради наших жизней. Откуда у него в голове такое, ума не приложу! Взрослый верующий человек, христианин. А такое порой несет.

– Если бы не было его рассказов, то мы никогда бы не узнали, с какими мыслями жили наши предки.

– И то верно. Но как-то в его рассказах очень много про женскую грудь и вообще про ваше, – Панделис легко уцепил жену за сосок, – тело, так сказать.

– А ты не понимаешь, почему? А я вот понимаю. Он до сих пор любит свою Ефимию. Очень скучает по ней, и жизнь его поддерживают воспоминания об их молодости. Ты не находишь, что он так передает свой опыт?

– Ну ты вон куда вывернула. Мне трудно все это представить.

– Зато мне нисколько. Он хочет, чтобы мы тоже были счастливы. И рассказывает он об этом только для того, чтобы сделать нашу жизнь в браке интереснее и богаче.

– Подожди, Василики. Там что-то не так! – Панделис кивнул подбородком в сторону жандармов. – Я пойду разберусь.

– Иди. – Женщина с притворным расстройством закрыла платком лицо.

Панделис прошел вдоль повозок, на ходу поправляя поклажу. У передней, прихватив за холку мула, высился турецкий жандарм с широкими мокрыми усами и мясистым красноватым лбом.

– В чем причина остановки, господин жандарм? – спросил Панделис. – Мы что-то не так делаем?

– Вам известно, что идет война? – недовольно, глядя нарочито в сторону, огрызнулся жандарм.

«...Если человек при разговоре с тобой глядит в сторону – значит, он от тебя чего-то хочет или собирается заставить тебя волноваться...» – вспомнил Панделис наставления отца.

– Известно, офицер! – Панделис обернулся, пытаясь глазами отыскать Василики. – Но мы мирные люди. Держим путь к нашим родственникам в Трапезунд. И если уважаемый кавус не побрезгует и примет скромный подарок, то всем нам от этого будет только лучше. Да прольется на наши сердца свет от добродетели Всевышнего.

Жандарм вытер мокрые усы тыльной стороной ладони и, понизив голос, сказал:

– Если бы я и впрямь был брезглив и не добр, то арестовал бы сейчас всю вашу интересную компанию. Но моя мать мне рассказала, что в день моего рождения случилось небесное знамение. А мудрец из Пафры подтвердил и посоветовал отдать меня в школу, где готовят муэдзинов. Но наша семья была настолько бедна, что ни о каком образовании и речи идти не могло. Поэтому мне остается только одно: просто быть добрым человеком. Чего там у тебя?

– Десять золотых. – Панделис облегченно выдохнул.

– Э... – протянул жандарм. – Откупные за одного грека от амеле-тамбуру двадцать золотых, а мне только десять?! Я могу напомнить о специальном распоряжении властей, в коем говорится о том, что каждый грек в возрасте от двадцати до сорока пяти лет подлежит мобилизации. Поэтому ни одна душа не должна покидать своего места постоянного пребывания, а ждать призыва.

– Давай пятнадцать – и по рукам?!

– Сколько вас? – Жандарм прищурился в темноту.

– Три семьи. Четверо мужчин, попадающих под призыв, и три женщины.

– Итого у меня должно оказаться восемьдесят золотых, – присвистнул жандарм. – Ого. Но я добрый человек. Я возьму с вас только тридцать.

– Это очень много, господин, – жалобно протянул Панделис.

– Тридцать, – твердо повторил турок. – Или я вас арестовываю. Держу неделю в темнице вместе с женами, раз в сутки давая тухлую воду. А потом отдаю под суд, как нарушителей закона. Вы нанимаете адвокатов, платите им. Предположим, вас отпускают, вы еще платите, чтобы не попасть в амеле-тамбуру. Итого? Посчитал?

– Хорошо. – Грек посмотрел на своих товарищей вопросительно. – Да, мы даем тридцать золотых.

– И благодарите всемилостивого Аллаха, что он послал вам меня, а не кого-то другого.

– Обязательно, господин. Да пребудет с тобой милость всех небесных покровителей.

Греки собрали золото и вручили жандарму. Тот, внимательно пересчитав деньги, одобрительно кивнул:

– Теперь можете проваливать обратно.

– Как – обратно? – повысил голос Панделис.

– Вы и впрямь решили, что я вас пропущу, тупые собаки... На следующем посту вас задержат, а с меня спросят потом.

– Но на том посту тоже могут оказаться добрые люди, и мы с ними договоримся. – Панделис не верил ни глазам своим, ни ушам.

– Я знаю, кто на следующем посту. Вы никогда с ним не договоритесь. Проваливайте в свою деревню и радуйтесь, что избежали ареста.

Панделис едва не бросился с кулаками на турка, но тот, положив руку на кобуру с револьвером, дал знак своим полицейским. Защелкали затворы ружей. Греки отступили. Раздались предупредительные выстрелы.

– Проваливайте. Или я перестреляю вас всех, как бешеных собак. – Сержант жандармов отвернулся, вытирая платком взмокшую шею. – Шакальи выкормыши!

Маленький греческий караван развернулся. Недовольные мулы хрипло и высоко вскрикивали, напрягая остатки сил, словно зная, что ночевка их ждет под открытым небом. Лица мужчин застывшими шрамами белели поперек ночной тьмы, женщины по самые глаза закрылись платками, чтобы не выдать ярость изогнутых губ и не сорваться на крик.

Когда повозки растворились в ночи, усатый сержант подозвал к себе двух полицейских:

– Даю каждому по золотому, если к утру эти неверные псы умрут. Идет война. Наша родина нуждается в поддержке любого рода. А у этих полно добра, которое по праву должно быть реквизировано.

Полицейские в ответ часто закивали. Им явно понравилась эта идея:

– Да-да, Бурхан-ага. Слышнее ясного слышали.

– По целому золотому! Вы слышали! Один мудрец из Пафры сказал, что я родился с необычайно добрым сердцем, потому что в небе в тот день пролетала комета. Да я и должен был стать муллой и учить детей уму-разуму. Но вот из-за таких, – он ткнул пальцем в темноту, из которой еще доносился шум уходящего каравана, – благотворным замыслом всемиловитого Аллаха не суждено было сбыться.

Панделис шел, не чуя под собой ног. Поверхность земли словно превратилась в россыпь мелких круглых камней, которые не давали сделать твердый шаг. В груди клокотало, в глазах шевелились волны тумана. Хорошо, что Василики, ничего не подозревая, мирно спала в повозке, обняв правой рукой живот, а левую положив под щеку.

Неожиданно старый отцовский мул стал взбрыкивать, закидывать голову, настороженно поднимая уши.

– Ты чего это, Сон? – Панделис потрепал животное по загривку.

Мул в ответ резко мотнул мордой и отрывисто фыркнул. Весь караван остановился, прислушиваясь.

Из темноты послышались отчетливые шаги и характерный звук лязгающего винтовочного затвора.

Панделис перегнулся в повозку и резко взял на руки Василику.

– Я тяжелая. Куда ты нас, милый...

– Быстрее. Бегите! Все бегите! – Грек, держа жену на руках, сбежал с дороги и едва успел спрятаться за камнем, как раздались выстрелы.

Два понтийца рухнули, словно срезанные невидимой косой. Повалились ничком, неестественно выгнув спины, выбрасывая высоко подошвы ног. Третий, обернувшись на выстрелы, получил одну пулю в живот, а вторую в ногу. Согнулся, протяжно замычал. Лязгнули еще раз затворы. Выстрел. Черная дырка вместо глаза. Голова дернулась. Уже на земле тело несколько раз прошила длинная судорога. Потом настал черед женщин. Одна пуля отстрелила половину уха Сону. Мул неистово заверещал, дергая передними ногами, пытаясь освободиться от ярма. Турки убивали хладнокровно, без лишних отступлений. В каждую женщину выстрелили дважды. Через минуту пять трупов лежали в придорожной пыли. Истошно кричал мул.

– Да пристрели ты его! – крикнул турок своему товарищу.

– Вначале распрячь надо. А то потом оттаскивать из ярма самим придется. А он, бешеный шайтан, лягается. А ведь их больше вроде было.

– Кого?

– Кого-кого! Ладно, веди лошадь с последней повозки.

Наконец им удалось распрячь бедного Сона. Выстрел. Животное с простреленной головой рухнуло на бок. Турки несколько минут возились, впрягая запасную лошадь.

Когда повозки вновь тронулись в путь в сторону Пафры, Панделис убрал окаменевшую ладонь ото рта Василики.

– Боже, что это, Панделис! – шептала Василики побелевшими губами.

Панделис не ответил, лишь прижал голову жены к своему рту, чтобы не выпустить из груди крик.

Сержант Бурхан Кучук, услышав треск выстрелов из глубины ночи, поправил портупею и довольно провел ладонью по мокрым усам. Сказав дежурному, что сходит до ветру, он отошел от поста с версту и присел за камнем. Двое полицейских шагали впереди повозок. Один вел за узду лошадь, второй нес обе винтовки. Кучук неторопливо положил локоть правой руки в левую ладонь и прицелился. Грянули два выстрела. Оба турка с раскрывшимися алыми розами во лбу повалились под копыта шарахнувшейся лошади.

– Вот так, – пропел сержант, подходя к повозкам. Он обшарил дорожные тюки, вытряхнув все самое ценное. Собрал в одну сумку золото. – А остальное тебе, дорогой Карадюмак-ага. А все потому, что один мудрец из Пафры во время моего рождения увидел в небе знаки, говорящие о том, что на земле появился очень добрый человек. И если бы я таковым не являлся, то все бы забрал себе. И вообще, из меня получился бы самый лучший муфтий на свете, но эта бедность... Ах, эта бедность. Она стала причиной моих глубоких несчастий.

* * *

Панделис, изнемогая от усталости, нес на руках Василики. Где-то в версте должна быть деревня. Он заметил ее на пути в Пафру. Еще про себя подумал: было бы неплохо там заночевать. Но ведь дернул черт. Не зря отец говорит: слушай свое сердце. Первое желание, первый внутренний позыв – самые верные. Остальное от головы, а ум человека обуян гордыней. Он немного отдохнул, присев на корточки у большого камня, придерживая Василики под спину левой рукой. Отдышался и снова пошел шатающейся походкой в сторону показавшихся огней. Когда у крайнего дома взревели собаки, смог выдохнуть и, напрягая остатки сил, крикнуть в темь:

– Помогите. У нее отошли воды.

На улицу вышли люди. Мужской голос твердо сказал:

– А ну возьми. Несем к Акулини.

Шли несколько минут. Несколько бесконечных минут. Василики по очереди несли на руках какие-то мужчины. Она то бредила и покрывалась липким потом, то приходила в себя и испуганно искала глазами мужа.

– Тут-ка ложите сердешную. – Акулини указала рукой на широкую лавку.

Панделис удивленно посмотрел. Он никогда не слышал такой речи.

– Чего замигал? Русская я. Когда барыню мою, Анфису Поликарповну, замуж за греку вашего, купца отдавали, то и меня покликали. А мне чего дома-то было сидеть? Я ведь постельничая. Тебе переводить аль как? Я ведь и по-вашему неплохо разумею. Научилась за столько лет. А ты вот смеяться бушь, а и меня тут без переводчика все понимают. Вы, греки, народ хваткий. Ну, не то што бы мы, знамо. А хваткие. Вот турок – он не шибко хваток умом. – Старуха говорила и говорила, осматривая тем временем Василики. И от говора ее всем становилось на душе покойнее. – Лежи, лежи, милая. Давай-ка мы тя повыше подопрем, так подольше подзадержится, а я пока сберусь, да за Аниту покликайте. Мне одной не управиться. Вишь, как не баско у тебя тут, девка. Ай не баско. – Акулини, щупая живот Василики, внимательно заглядывала той в глаза. – Ну ничего. Не такого выверта видали. Вишь, он, девка, ножками-то вперед захотел. Так ведь недоношенный запросился. А нам бы надобно повернуть его вот эдак.

Брыкливай какой. А после уже побрыкаешься, хрен нерусской. Да я так это, любя. Не по-серьезному. Какая уж разница, какой у яго хрен: русской аль не русской! Чем русской-то лучше. Лишь бы справился на свет божий. Мальчик, чую. Ох, мужик. А ну, пошел. Пошел, говорю, на очи Божьи да на мир людской. А ты чего здесь еще? – шикнула Акулини на Панделиса. – Давай шуруй отсель, мил человек. Да обожди на улице. А ты давай-ка, девка, тужься посильней. Недоношенные полегче выходят. Потом доносим. В печи.

– Где?! – вдруг встрепенулась Василики.

– Мы как только сюдыть переехали, так я своему Ионе и велела печь ставить. Как ужo привыкла. Ваши-то очаги тесноваты. А я люблю где с ухватом, где так, рукою. Зимою кости хорошо прогревает печь-то. В нее тоже можно. Я так своего Иону от простуды выходила. Иной раз ведь глубоко холод в кости забирается. Выгонять его ой как не просто. Без печи никак. Выходила на свою голову: теперь мой беззубый вояка в горы подался к Василь-аге. Да ты здесь ешо, окаянный!

Панделис понял последние слова старухи без перевода. Опрометью стрельнул на воздух. Под ночными звездами легкие раздышались, сердце выровняло биение. Опустился на лавку рядом с черноволосым сыном Акулини.

– Никогда не курил. А сегодня вот захотелось. Не угостишь?

– А чего ж. – Черноволосый протянул трубку Панделису. – Для себя набивал. Да ты кури. Я потом. Тебе, видать, лихо сейчас.

– Не то слово. Руки ходуном ходят.

– Так столько на себе двоих тащить. А вон и тетка Анита. Ну, все сладится.

– Непривычно ты говоришь! – Панделис хмыкнул, качнув головой.

– Поживи с такой мамкой. Не так запоешь. Она то по-русски, то по-гречески, то вперемешку, еще и турецкие слова вставляет. Незнакомый человек, будь хоть грек, хоть русский, хоть турок, черта лысого не поймет из ее речи, когда она все смешивает. А я уже привык.

– Тебя как зовут?

– Иваном кличут.

Раздался резкий, душераздирающий крик Василики. Панделис вскочил, глотнул едкого дыма, закашлялся, выворачивая наизнанку горло.

– Да сиди спокойно. – Иван взял за локоть Панделиса и усадил на место. – Я такое много раз слышал. Когда рожают, все время орут, как ненормальные. Ничего, родит. А куда ей деваться! Мать кого хочешь уговорит. Сейчас тетка Анита ей поможет. Дай посмотрю. – Иван встал ногами на лавку и заглянул в окно. – Ни хрена не видать. Обе наклонились. Мамка твоей на живот поддавливает.

Василики снова закричала. Но на этот раз будто потише и поговорчивее. Словно в ответ на ее крик, из-за дальней околицы заголосил петух. С развесистого дуба сорвалась стая ворон. Поднялась в небо и закружилась в истовом танце.

– Чу, нечистая. Брысь отсюда. – Иван замахал на ворон руками. – Петух кричит – это хороший знак.

– А ты в знаках понимаешь? – спросил Панделис, снова вставая с лавки.

– Я их вот здесь чую. – Сын Акулини ткнул себя большим пальцем в грудь. – Может, от матери такое перешло.

Ребенок на руках Акулини выдул слабеньким ртом пузырь. Старуха резко опустила его вниз головой и хлопнула несколько раз по попке. Анита ловкими движениями перерезала пуповину и завязала узел.

– А, ну давай, подай голосок! – Акулини еще раз перевернула ребенка.

Послышался слабый хрипловатый крик, скорее похожий на писк.

– Вот так. А сейчас мы тебя тестом обмажем да в печь. Тама-то и доносим. – Старуха положила новорожденного на стол и стала обкладывать приготовленным тестом. Затем плачу-

щий сверток положила на лопату и сунула в темное око печи. Поставила заслон. И тихонько запела древнюю обрядовую песню.

– Чего это она? – Изумленный Панделис посмотрел на Ивана. – Может, в дом пойдем?

– В дом пока нельзя. Это она поет.

– Зачем поет?

– Так время считает, чтобы в печи не передержать. Как песня закончится, так и вытаскивает. Когда баба недоносила, то за нее печь донашивает. А после уж и нас позовут. Я, знаешь, сколько раз в сене ночевал из-за этих родов-природов! Зато потом родственники угощения несут недели по две, можно о еде забыть.

– У меня только поясной кошель остался. Остальное забрали.

– Кто забрал?

– Турецкие жандармы. Остановили недалеко от Пафры.

– Сами-то откуда?

– Из-под Амиса.

– Вон как далеко вас занесло. Пятьдесят верст, а то и больше.

– Мы хотели избежать мобилизации. Пошли в Трапезунд. Не доходя до Пафры нас ограбили жандармы. Потом всех убили. Спаслись только мы с Василики.

– Жандармы! – Иван скрипнул зубами, сжав кулаки. – Зря я с отцом не пошел в горы. Мать пожалел. Отец уже там. Грабят сейчас повсюду. Вот уже и убивать начали. К этому все и шло. Но вы должны Бога благодарить – живые! А то, что денег и добра не осталось, так дело то наживное. – Сын Акулины ободряюще толкнул собеседника в плечо.

– Спасибо вам, добрые люди. Куда нам теперь, ума не приложу.

– Оставайтесь здесь. В доме места хватит. А за роды работой отплатишь. У меня сейчас дел невпроворот. Чуть малыш подкрепнет, тогда и пойдете к себе. Ну как?

– От такого предложения грех отказываться. – Глаза Панделиса прояснели.

– Ну вот и ладно. Скоро уже они там?

– Пусть не торопятся. Лишь бы, как вы говорите, все сладилось!

– Так и говорим. Да я на русском только с матерью порой. Хотя отец любит русские песни.

Говорит, очень похожи на греческие.

Панделису никогда не забыть эту первую ночь от рождения его сына. В доме стоял мягкий и в то же время настойчивый запах материнского молока. Он даже не сразу сообразил: что это так пахнет? И только воцарившийся волшебный покой подсказал, вернул к глубинам собственной памяти: это молоко! Он лежал на лавке у окна и смотрел, как угасала ночь и пробивались полоски утренней зари. Тихо сопел и покряхтывал во сне ребенок, ровно дышала Василики. Несмотря на все пережитое, Панделис ощущал волну подкатившего счастья так остро, что напрочь забыл про сон. Бледная луна уходила за оконный оком, уступая дорогу солнечному свету. Резко прокричал петух. Все тот же. Дуб корявыми узловатыми руками выгреб из прояснившегося неба стаю ворон. Сверкнуло медное лезвие. И Панделис непроизвольно поежился. Словно кривой турецкий клинок. К горлу подкатила тошнота от неожиданно появившейся боли в сердце. Как стремительно меняется состояние человека! Только что он ощущал себя счастливым отцом, а стоило солнечному лучу сверкнуть, преломиться в смертельную сталь врага, как снова темень в душе и тяжесть за грудиной.

Панделис не заметил, как провалился в короткий сон, в котором он все летел куда-то неумолимо вниз. Перед глазами возникали странные, искаженные образы героев из когда-то прочитанных книг. Они кричали о чем-то немymi ртами. Но не летели вместе с ним, а лишь провожали черными, ни о чем не говорящими глазами. Он напряг все силы, чтобы вырваться из этого жуткого сна. И вырвался, вскочив на лавке. За плечо его трясла Акулини:

– Вставай-ка, сынок. Худо девке-то нашей!

– Что? Что с ней?

- Лихоманка у ей. Кровь заразилась. Надо бы за доктором.
- Я, я, куда бежать?! – Панделис тер кулаками слипшиеся веки.
- Сиди тут-ка со мной. Мало ли чего снадобится. Иван быстрее обернется.

Старуха покликнула сына. Тот без лишних слов кивнул и выметнулся из избы. Глухо застучали на дворе копыта коня. Иван даже не стал седлать. До соседнего села пять верст, где живет сельский доктор. Он привезет его, как обычно, на крупе.

Но у доктора Панайотиса в тот день образовалась большая очередь. Ивану пришлось ждать до вечера. Когда на закате короткого осеннего дня доктор Панайотис спрыгнул с крупа коня и вошел в дом, Василики была уже без сознания.

Панделис сидел у ее изголовья, рвал скрюченными пальцами волосы у себя на голове, бормоча что-то бессвязное.

– Я сделаю кровопускание и дам лекарства. – Доктор посмотрел на Акулини. – И уповайте на волю Божью. А как ребенок?

– Дитя донашиваем в печи. – Акулини теребила конец платя.

– Мне этого не понять... – Панайотис махнул рукой. – Завтра навещу. Держитесь, молодой человек! – обратился к Панделису. – Ей сейчас нужна ваша поддержка и сила.

Доктор осторожно вышел из избы. Что-то долго объяснял на повышенных тонах последовавшей за ним Акулини. Снова застучали копыта, кисельным, вязким эхом отдаваясь в ночи.

– Василики, – Панделис взял жену за руку, – ты ведь не покинешь меня и нашего малыша?! Не покинешь, я знаю! Ты еще не придумала, как мы его назовем? А, помню-помню, ты много раз говорила, что он будет нам дан Богом. Значит, Таддеус. Конечно, Таддеус. Ты же не против? Таддеус Анфополус. Красиво звучит. Представляешь, я сегодня во сне делал ему лук и стрелы. Учил стрелять. Почему-то в моем сне он оказался сразу большим. Ну как. Лет пять, наверное. У него черные курчавые волосы и лоб, как у тебя – высокий и чистый. А еще этот стреляка то и дело произносил два своих самых любимых слова. Ты уже догадалась: «хочу» и «когда».

С молоком матери впитал. Он стрелял и стрелял, а я ходил за стрелами, пока не заболело сердце. Даже в глазах потемнело. Чего вдруг? Резануло за грудиной, и подступила тошнота. Таддеус куда-то пропал. Я стал звать тебя, но ты все не шла. И тогда я ощутил какой-то бешеный страх. Но отчетливо помню, что испугался не самой смерти, а то, что могу умереть, не увидев тебя. Василик...

– Давай-ка, милочка. Я тут-ка поприберусь. А ты пока на дворе побудь. Простынку ей поменять. Оботру сердешную уксусной водицей. Иди, иди, погуляй. Не вашего тут мужицкого глаза дело есть. – Акулини взяла Панделиса легонько под плечи и подтолкнула.

Василики не дожидая до утра следующего дня. Она умерла перед самым рассветом. Панделис в своем белом от соли сне увидел ее смерть. И самый острый пик боли пережил там. Соль хрустела под ногами, высилась горами вокруг, была растворена в воздухе так, что нестерпимо резало глаза и наливались тяжелые слезы. Может, поэтому, пережив смерть жены во сне, наяву не сошел с ума.

Василики похоронили через два дня на кладбище чужой деревни. Названия которой она так никогда теперь уже не узнает. Панделис положил горсть земли с могилы и отрезанный локон в мешочек, чтобы потом похоронить еще раз, но уже в родных местах.

Для Таддеуса нашли кормилицу в той же деревне. Хоть в этом судьба не отвернулась от Панделиса.

– Можно рядышком? – Иван спросил Панделиса, садясь на лавку. Тот в ответ кивнул. – Я вот о чем подумал: оставайтесь у нас жить. Ну сколько захотите.

– Там, – Панделис кивнул в даль, – отец один остался. А я даже весточки послать не могу. Если он обо всем узнает, то не переживет. Да и здесь оставаться как? Не сегодня, так завтра

заявятся жандармы и начнут набирать в амеле-тамбуру. Мне теперь все одно: хоть война, хоть горшок без дна.

– Я пока ехал с доктором Панайотисом, узнал от него, что в Амис два дня назад пришел корабль, по виду торговый, но с военными. Чего-то турки замыслили, а иначе зачем сюда солдат на кораблях отправлять?

– Скажу, чего: они боятся больших волнений и партизан. А еще жандармы плохо справляются с набором призывников.

– Так, стало быть, правильно отец в горы ушел?

– Правильно. А ты знаешь, кто такой Василь-ага?

– Одни говорят, очень мужественный человек. Перехватывает в горах турецкие обозы и освобождает мобилизованных. Другие называют разбойником, дескать, если бы не его нападения, то откупилась бы от турок, да и дело с концом.

– А еще этот мужественный человек и разбойник мой старший брат!

– Да ну! – Иван аж подскочил.

– Вот тебе и краба гну.

– А ты чего ж здесь?

– Да знал бы кто, как жалею теперь. А по поводу откупных я тебе так скажу. Турки не дураки. Они заломили цену, которую могут осилить только богатые, а что делать бедным или середнякам? Хорошо, если село крепкое и старейшины мудрые, то всех откупить попытаются. Но большинство будет угнано в Пирк. Многие дотуда не дойдут – помрут голодной смертью, других на месте заморят.

– Чего они так ополчились?

– Я в этом не силен. Но слышал от отца, что завидуют нашему богатству. Поэтому всех хотят истребить и присвоить себе состояние.

– Вот зря с отцом в горы не пошел. Вот зря! – Иван хлопнул себя по колену.

– А со мной пойдешь? – Панделис посмотрел сузившимися глазами.

– Это куда ж с тобой? К Василь-аге?

– Нет, – мотнул головой Панделис, – я хочу начать свою войну. А не приходите к брату с пустыми руками. Так пойдешь?

Иван ворочал во все стороны изумленными глазами, нервно почесывая подмышки.

– Ух-х ты!

– Таддеуса определили. Из меня помощник здесь никакой.

– Эт точно. Я людей знаю, – кивнул Иван, – лучше своих вырастят.

– Тогда слушай меня внимательно. – Панделис наклонился к уху Ивана и отрывисто зашептал.

Глава 3

Глухой ночью, когда Акулини легла спать, когда вороны на дубу угомонились, а полная луна, похожая на кормилицу Таддеуса, вышла из-за горы, Панделис и Иван запрыгнули на спину коня. Животное удивленно мотнуло головой, обреченно фыркнуло и направило шаг в сторону чернеющей дороги.

– Тихо, тихо, Сигнал. – Иван гладил коня между ушей. – Не разбуди мать. А то нам такого всем будет!

– На войну едет человек, турок с ружьями не боится, а матери пугается. Чудны вы, русские.

– Хоть смейся, хоть плачь. Отец-то у меня грек. И вроде бы по-своему жизнь понимает, а матери моей лишней раз на глаз тоже не шибко показывался. Так ведь и сбежал к Василь-аге так же ночью, ничего не сказав. Выходит, переплывала она его.

– Может, тоже в печь на лопате сажала, чтобы по-русски думать начал? – усмехнулся Панделис.

– А не может, а точно. В отца как-то хвороба вцепилась, да так крепко, что доктор Панайотис только руками развел. Уповайте, дескать, на Бога. Может, смилуется. Так мать ему: мол, на Бога-то надейся, а сам борись. Обмотала отца чем-то да и засунула в печь.

– Это как же?

– Да вот так. Знамо, не одна, подружку свою, бабку Аниту, кликнула. Вдвоем и затолкали. Потом мать запела, я тебе уже говорил, чтобы время отмерить. Через какое-то время вытащила. У отца глаза, что угли граненые – выкатились из орбит. Рот раскрывается, а орать не может. Ну, мать с него всю потную одежду сняла, в чистое одела да давай чаем с медом поить, а потом уже на печь. Через два дня Бог и смиловался.

Они неторопливо двигались по дороге еще с час, пока не показались огни ближайшего села. Сигнал неожиданно фыркнул и замотал мордой.

– Это куда же мы собрались? – Из темноты показалась фигура доктора Панайотиса.

– Бабушку проведать! – раздраженно ответил Иван.

– Бабушки в такое время спят.

– А вы куда в такое время, доктор? – Панделис высунулся из-за плеча ехавшего впереди Ивана.

– А куда глаза глядят да ноги идут.

– Чего так вдруг? – спросил Иван.

– Вчера в больницу пришли солдаты и сказали, в общем, что моя практика в этом месте завершена. И знания мои нужны будут на марше. Вы понимаете, о чем я? Они меня забирают в амеле-тамбуру. И им плевать, кто останется здесь лечить людей. Пришло время дьявола. – Доктор перекрестился.

– Солдаты, говорите?

– Да. Пехотинцы. Петлицы нефтяного цвета. Есть даже офицеры. Да мало того, слышал своими ушами германскую речь.

– Значит, германцы тоже среди них? – Панделис наклонился к доктору.

– Тоже.

– Прекрасно. А где они расположились?

– Чего это вы задумали, молодые люди?

– Ну, мы, положим, молодые. Но и вы, доктор, не слишком старый, – вмешался Иван.

– Мне тридцать пять. Вполне подхожу для мобилизации.

– А чего вы умеете? – спросил Панделис.

– Лечить людей. Этого мало? Ну, еще говорю по-немецки.

– По-немецки?! – Панделис спрыгнул с коня и пошел рядом. – Так-так.

– Я учился в германской военной академии на врачебном отделении, – закивал Панайотис. – Так вы куда путь держите? Не в горы к Василь-аге?

– Пока нет. Но планы у нас с ним одинаковые. И где, говорите, расположились военные?

– Так в нашем селе и расположились. Мою больницу оборудуют под комендатуру.

– Хорошо. – Панделис приобнял доктора за плечо. – Теперь слушайте мой план, доктор.

Два турецких пехотинца на крыльце бывшей больницы несли караул. Один сидел на перилах, покачивая ногой, и грыз орехи, второй расположился в кресле-качалке и просто спал под убаюкивающий скрип дубовых дуг. Винтовки стояли крест-накрест, подпирая входную дверь. Из окна рабочего кабинета майора Карла Бекманна падал на опавшие листья мутный свет керосиновой лампы. Отчетливо была видна лысина немца, корпевшего над бумагами. Он что-то недовольно бурчал, то и дело поглядывая на ленивых турецких солдат. Но те демонстрировали непоколебимую восточную расхлябанность, и в конце концов майору просто надоело тратить свой словарный запас. Он приглушил свет, выпил пару рюмок коньяку и отправился спать.

– Доброй ночи вам, отважные люди! Да продлит всемогущий Аллах ваши дни, возблагодарив за верное служение!

Турки было встрепенулись, но, завидев вышедшего из-за деревьев доктора Панайотиса, вернулись на прежние места.

– Чего это вам не спится, доктор? – бросил один из них.

– Я к вам с огромной просьбой, солдаты! – На слове «солдаты» Панайотис сделал пафосный акцент. – Только вы мне можете помочь!

– В чем дело? Давайте уже вываливайте, пока мы добрые!

– В двадцати метрах отсюда лежит тело человека. Похоже, он мертв. А может, просто мертвецки пьян. А может, и то и другое.

– Ну и что?

– Правильный вопрос, джентльмены! Мне кажется, я знаю этого человека. Он известный купец. Богат и всегда носит на поясе кошель с золотом. Вы не могли бы помочь мне его донести прямо до этого крыльца, где вы сейчас находитесь?

– Купец, говорите? А ну, – караульный бросил грызть орехи и пнул развалившегося в кресле товарища, – просыпайся.

Пехотинцы быстро сбежали по ступеням крыльца и буквально бросились в темноту, куда указывал доктор. Гдых! Два коротких сухих удара. Фески летят с голов. Ноги неестественно подворачиваются. Тела тяжело падают на осеннюю крепь.

Иван и Панделис отбросили в сторону дубье и вопросительно посмотрели на доктора.

– Чего смотрим? Хорошие удары. Акцентированные. Думаю, с полчаса пролежат тихо. Переодевайтесь. Чего встали? Потом затащим их. И не забудьте их документы. Вы теперь – они. Понятно?

Через несколько минут Панайотис стучал в окно своей бывшей больницы. Свет керосинки усилился, показалось хмурое лицо майора. Прищурившись, он разглядывал темноту, пока не узнал доктора, за спиной которого ленивым затылком маячил турецкий пехотинец. Когда дверь распахнулась, Панайотис быстро затараторил о каких-то лекарствах, случайно забытых на какой-то дальней полке. Он худой грудью оттер майора от двери, следом в помещение ввалились Иван и Панделис.

– Извините, господин майор. Вот тут. – Неожиданно Панайотис оказался за спиной немца. – Еще раз извините, дорогой Карл. – Вереочная петля затянулась вокруг шеи. – Триагулум мортис – треугольник смерти. Все кончится очень быстро. Падайте, майор, вы сражены!

Немец с хрипом повалился под ноги грекам, разбрызгивая белую пену с губ. Руки вывернуло судорогой, глаза вывалились из орбит, словно гнилые яблоки.

– Чего? Какой треугольник? – Иван подошел к графину с коньяком.

– Вы русский? – в свою очередь спросил доктор, кивнув на коньяк. – Долго объяснять про треугольник. Есть место, где сходятся кровяные токи. Не надо обладать особенной физической силой, чтобы отправить человека к праотцам. Где его форма? Ага, вижу. – Панайотис подошел к стулу, на котором аккуратно висела униформа немца, и стал торопливо переодеваться. – Не забудьте забрать содержимое сейфа, там наверняка патроны и кое-какие ценности.

– А с этими что? – спросил Панделис, ткнув пальцем на турок.

– Если не добились, то они нас опознают. – Панайотис вытащил из кобуры револьвер и заправски крутнул барабан. – Стрелял несколько раз, еще на учебе в академии. Вот не думал, что пригодится. А этим я введу дозу яда прямо в вену. И ему тоже. Произошло отравление – так бывает. К сожалению. Иван, запрягайте мою повозку. Едем в Амис.

Утром следующего дня повозка немецкого майора Карла Бекманна, отчаянно подпрыгивая на булыжниках, въехала в город Амис. Два пехотинца сидели на козлах: один правил лошадиной парой, другой, насупив брови, важно смотрел по сторонам. Сам немец, положив на бортик руку в перчатке, отбивал указательным пальцем такт какой-то песенки.

Город просыпался: открывались каморы ремесленников, разворачивали свои прилавки продавцы свежей, только что выловленной рыбы, хлебопеки и калашники строили на лотках башни из лаваша, буханок и сладких кренделей. В воздухе неумолимо разливался аромат перwokлассного кофе.

– А не пора ли нам перекусить? – Иван обернулся к Панайотису.

– Не оборачивайтесь. Я вас услышу. Но вначале к цирюльнику. Мне нужны накладные бакенбарды, а вам – уставная стрижка. Через два квартала сделайте правый поворот, и через сотню шагов будет приличная чайхана, напротив нее цирюльня. Я видел только там иностранных офицеров. Солдатам тоже можно в нее, но за отдельный столик у входа. Начнем оттуда. Думаю, информация кое-какая обязательно выплывет. – Доктор достал из нагрудного кармана сигару и, спрыгнув с повозки, вбежал в цирюльню.

Через полчаса вся троица уже сидела в чайхане.

– Эй, люпесный. Не приготофь ли мой зафтрак? – Панайотис обратился к полноватому чайханщику, медленно сдергивая с каждого пальца перчатку. – И мой солдатн тоже проголодаль.

– О, господин офицер, добро пожаловать! – Чайханщик суетливо вытер руки о передник и показал на стол у окна.

– Нет-нет. Мой хочет сидеть в тень. Успеть есче солнышко. Ха-ха.

– Чего изволит господин офицер? Так рано германские военачальники к нам не заходят. Будем знать, господин офицер, и приготвимся завтра получше.

– Дрыхнут бесдельник. Ах, негодники. Мой будет яичница с бекон, сосиски, сладкий пулочка. А солдатн – овсяной каши и вишня компот и этот, как его? – Панайотис пощелкал пальцами.

– Лаваш?

– Ах, да-да, лафаш.

– Одну минуту, ваше превосходительство!

– А, потождить. Я дольго плыль, хочу отправить перевод семья. Есть у вас такой банк? Шелятельно туркишбанк. Греческий сейщас не очень-то натежно.

– Совсем ненадежно, господин офицер. Греческие банки подлежат сонации. И все счета, а также переводы на какое-то время заморозят. А турецкий есть – «Тукиш-тревел». Я вам настоятельно рекомендую. Свиных сосисок, как вы понимаете, у нас нет.

– Йа, йа, какой свиной! Очень понималь. Там война, пуф, пуф. Каращо. Очень буду рат воспользоваться фашим совет.

Чайханщик попятился выполнять заказ, услужливо покачивая всем телом. Когда скрылся за занавесью, к столу Панайотиса метнулся Иван:

– Слышь, ты, господин офицеггум. Мы тебе чё, лошади, овес жрать! Давай нам тоже яичницы.

– Сядьте на место, болван. Жрать будете то, что я скажу.

– У-ум-м... – Иван досадливо махнул рукой и вернулся к Панделису.

Через несколько минут из-за занавеси выпорхнул чайханщик, держа на подносе заказ немецкого майора:

– Кстати, господин офицер, а как насчет компании с турецким камюкамом?

– Камю-ю-кам – это?.. – Панайотис вскинул брови.

– Камюкамм – это подполковник турецкой армии. К нам каждое утро в это время заходит Шахин-эфенди. Очень приятный человек и невероятный поклонник всего немецкого образа, как в одежде, так и в еде.

– Йа, йа! Эта ше ошень, ошень прекрасно. – Доктор почувствовал, как предательски вспотели ладони. Он сжал в кулаки руки и опустил их на колени.

– А, вот и... не заставил долго ждать! – Чайханщик направил низкий поклон на входную дверь.

В чайхану вошли два рослых пехотинца, пристально оглядели присутствующих, заглянули на кухню и даже под столики. Попросили документы у Панделиса и Ивана. У доктора Панайотиса на мгновение сжалось сердце, а рука потянулась к револьверу. Солдаты долго читали документы, шевеля недовольными губами. Все обошлось. Несколько секунд спустя, как всегда с иголки, играя тонким нафабранным усом, вошел Карадюмак Шахин. Он сразу направился к столику майора, радостно вытягивая для рукопожатия руку.

– Присаживайтесь, господин подполковник, – бодро сказал по-немецки Панайотис, укаывая на стул напротив. Он знал, что немецкие офицеры, даже младшие по званию, вели себя с турецкими довольно небрежно, подчеркивая свой патронат. – Майор Бекманн, можно просто Карл! – протянул руку Панайотис.

– Подполковник Шахин. Можно просто Карадюмак. Нет-нет, просто Шахин. Имя для вас звучит не очень удобно. Вы здесь уже третий день? А заглянули на завтрак впервые?

– Завтракал на корабле. Было много дел по разгрузке и обустройству на новом месте.

– Позвольте, я сделаю заказ?

Панайотис в ответ всплеснул руками и широко улыбнулся.

– Яичницу и какао. Все как обычно, – бросил Шахин чайханщику. – Нас ждет много работы, господин майор. Через неделю во главе небольшого войскового соединения выхожу в пригород Амиса для выполнения воспитательных и ревизионных задач. И хочу похвастать, у меня будет самолет. Завтра встречаем чудо-машину. Я уже подготовил аэродром и все остальное согласно инструкциям.

– Поздравляю! Самолет – это залог полного успеха.

– Талаат-паша и Энвер-паша работают над планом полного подчинения понтийских греков. Как вы понимаете, жертв должно быть не меньше, чем при борьбе с армянским элементом. Похоже, этих греков ненавидят во всей Европе!

– Вы забываете про Россию, Шахин-эфенди. Это крупный игрок! – Панайотис почувствовал, как в глазах образовалась предательская резь.

– Посмотрим. Русские тоже не всесильны. У них интеллигенция ненавидит царя, а отдельные слои населения готовы к бунту.

– С чего вы решили, что греков ненавидит Европа?

– Хы, греки по всей старушке имеют под собой очень солидный процент малого и среднего банковского сегмента. Это не нравится крупным корпорациям. Как лишить греков своих денег? Да просто – их банки должны исчезнуть. А вы думаете, почему промолчали лидеры держав, когда мы прижимали армян к ногтю? То же будет и с греками. Я говорю несколько сумбурно.

– Напротив, дорогой Карадю-ю-ю-мак. Мне все понятно. Армяне тоже имели деньги. Теперь они у больших корпораций.

– Да. А еще у греков непозволительно много земли, которая кормит не Оттоманскую империю, а всех, кого ни попадя. И главное, русские объявили войну Турции, а значит, что православные греки – это бомба внутри страны, которая рано или поздно рванет так, что империя исчезнет бесследно.

– В целом расклад понятен. Но я не политик, а военный и выполняю узкие задачи. Ну, мне пора. Приятного аппетита. – Панайотис начал вставать.

– О, господин майор, не смею задерживать. Но вы меня очень удивили.

– Чем же?

– Вы достаточно смуглы для немца!

– Ах, это. Дело в том, что моя мать ливийка. Отец – археолог. Случился роман где-то в африканской пустыне. В результате которого распалась одна семья и появилась новая. – Панайотис придумывал легенду на ходу, стараясь не смотреть в блестящие с поволокой глаза подполковника Шахина.

– М-да. Немного грустно, но красиво. А где вы взяли такую повозку?

– Арендовал возле гостиницы. Что-то не так с повозкой?

– Да это я так. Вечная турецкая лень. Сдают, понимаете ли, в аренду, а колеса от сельской грязи почистить не удосужатся. Просто я обратил внимание, когда заходил сюда. Да и лошади. Ну да ладно. Вы лучше смените ее. Хотите, я вам арендую?

– Буду премного признателен.

– А в какой гостинице вы остановились?

– Еще ни в какой. Только сошел с корабля. Увидел портовую гостиницу и там...

– А, ну понятно. Могу порекомендовать.

– Спасибо, дорогой Шахин. Мне пора. – Панайотис щелкнул крышкой карманных часов.

– Не смею задерживать, господин майор! – Шахин внимательно смотрел на спину уходящего немца. – Значит, майор Карл Бекманн? – протянул он себе под нос.

Повозка сорвалась с места и, загрохотав по жесткой каменистой дороге, полетела вглубь города. Секунда-другая – и след простыл, только кудлатая, жгучая пыль еще долго не могла осесть.

– Куда мы? – спросил Иван и на этот раз не обернулся, запомнив урок.

– В гостиницу «Понт», – ответил Панайотис. – Это лучший отель в городе.

– А поскромнее можно чего-нибудь подобрать? – наконец подал голос Панделис.

– Нельзя. Иностранцы останавливаются только там. К тому же... – Доктор послуявил палец и пересчитал содержимое портмоне настоящего майора, – мы долго можем себе ни в чем не отказывать.

– Мне нравится такая жизнь! – Иван прищелкнул языком.

– Подожди радоваться, – нахмурился Панделис, – это у господина офицера такая жизнь, а ты лучше вспомни про овсяную кашу.

После этих слов Иван опустил плечи и понурил голову. Гостиница «Понт» ласково манила дорогими гардинами на окнах, клумбами цветов вокруг парадного и большими, обитыми красной тканью дверями, возле которых стоял швейцар, изображая аутентичного турка. Чуть поодаль прогуливались нахмуренные женщины самых разных сложений, но с одинаково высокими прическами, где локоны, причудливо взвихренные, украшали дешевые украшения. У многих на открытых шеях алели и шелушились неприятные пятна.

– Экошь-накошь, – протянул Иван. – И чё, им совсем жрать нечего?

– Думаю, дело не столько в том, что бедность, а сколько в интересе к иностранцам. Да и вообще, я лечил когда-то девиц вовсе не бедных, но не мысливших жизнь без панели, – ответил доктор.

Неожиданно Панделис резко дернулся и отвернулся, закрывая ладонью правую часть лица.

– Ты чего так дергаешься? – удивился Иван. – Лошадей аж напугал.

– Тихо. Не обращай на меня внимания. Там она!

– Кто? – спросили в один голос его спутники.

– Аелла, девушка из нашего села.

– Среди вот этих? – шепотом воскликнул Иван.

– Нет. – Панделис съежился еще сильнее. – Она идет к двери.

– Похоже, это горничная, – сказал доктор. – Хотя не исключено всякое. Просто разные категории в этом деле тоже имеются. Хорошо, подождем немного.

Они напряженно молчали, сидя в повозке, еще несколько минут. Наконец Панайотис, заметно нервничая, произнес:

– Нам долго так сидеть нельзя в этой грязной люльке. Пора.

Швейцар, завидев выходящего из повозки немецкого офицера, принял услужливую позу. Одернув под кушаком длинную рубаху, учтиво распахнул двойные двери:

– Битте, господин офицер!

У стойки администратора Панайотис, проведя указательным пальцем в перчатке по бакенбарду, спросил на ломаном турецком:

– Мой хотел бы снять комната ваш отель?

– Сию секунду, ваше офицерское величество. Есть неплохие варианты с видом на море.

– Нет-нет, мне немношечка польше нравится вид на город.

– Как изволите. Как изволите. Солдатиков мы тоже размещаем в нижних подвальных помещеньцах. Кормим их раз в сутки и стелем на полу. Матрасики даем им.

Иван недовольно заерзал подошвами по крашеному полу.

– Мой хотел бы кормить солдатн три раса в сутка. Сколько эта бы стоил. Я заплачу.

– О, не вопрос, не вопрос, господин офицер. Ваша комната на третьем этаже, а прямо под вами апартаменты нашего визиря Шахин-эфенди. Уверен, вы будете довольны, это один из самых влиятельных людей во всем Самсуне.

– Шорт с ним. Мой хотел бы отдыхать без компания. Могут мой солдатн проводить меня до мой номер? Они толшны знать, где их командира есть. А заодно отнести мой феши.

– Не возбраняется, не возбраняется. Я могу проводить.

– Не ната. Я сам и мой солдатн.

Троица поднялась на третий этаж. Доктор вставил ключ в замочную скважину и хотел было что-то сказать, но дверь по коридору напротив отворилась, и в проеме появился силуэт горничной.

– Мой уже можно номер? – спросил Панайотис, подмигнув. Иван просиял широкой улыбкой, а Панделис едва успел отвернуться и спрятать лицо. Девушка кивнула и, не поднимая головы, резко затворила дверь в комнату.

– Это она готовит номер какому-то военному. – Панайотис прошел к бару и налил себе рюмку коньяка. – Вам тоже можно. Но совсем чуть-чуть. Итак, сегодня отдыхаем. Надо восстановить силы. А завтра со свежей головой садимся обдумывать операцию. Нам также необходимо поменять нашу деревенскую повозку на солидный экипаж.

– С лакированной коляской и парой вороных, – протянул Иван, словно запев.

– Я думаю, на подготовку уйдет недели две, а то и больше, – не обращая на него внимания, продолжил Панайотис.

– Как – две! Очень много. Я ведь своими ушами слышал, что Шахин пойдет через неделю. Мы не успеем помочь Василеосу. – Панделис едва не вскрикнул.

– Все. Я сказал, отдыхаем. А то я, ей-богу, кого-нибудь из вас пристрелю. – Панайотис, не разуваясь, повалился на широкую, как турецкие штаны, кровать.

– Во-во, сам на кровати и яишенку по утрам с кофеином, а мы, как клопы, на матрасах где-то в подвале, и на жратву овсянка.

– Кто вам мешал, дорогой мой товарищ, получать образование? – Панайотис отвернулся и протяжно засопел.

Дойдя до своего подвала, Иван и Панделис вытянулись на матрасах и быстро уснули. Первосортный коньяк, которым их у себя в номере угостил Панайотис, оказался актуальным и быстродействующим лекарством.

Панделису приснилась Василики посреди цветочного луга. Он звал ее, но она, не обращая внимания на его зов, собирала цветы и плела венок. Небо, нестерпимо голубое, резало глаза так, что они слезились. Он спал и чувствовал, как плачет во сне. Это редкое состояние, когда снишься сам себе и спящим понимаешь, что это сон. Он кричал ей, понимая, что она не слышит. И все равно кричал, пока не заболели связки. Он видел сам себя каким-то бровастым и ужасно корявым, почти горбатым. Наступал на свою тень с ненавистью и отвращением. Даже пытался ударить. Но тень вдруг превратилась в кошку и влезла на окно. Он за ней. Но не удержался за подоконник и стал срываться головой вниз в зияющую пропасть. Еще немного – и упадет. Он звал Василики на помощь. Но она куда-то исчезла. Кричал и кричал – и наконец проснулся от собственного крика.

Стояла в полный рост вечерняя тьма, ничем не напоминавшая о бесследно исчезнувшем закате. Черная кровь медленно расплзалась над морем, обнажая шерabatую луну и зубастые, низкие звезды.

Панделис, осторожно ступая босыми ногами, прошел за спиной администратора и поднялся на второй этаж. Подойдя к двери, надавил на ручку.

– Ты уже пришел? – послышался голос Аеллы. – Я не ждала тебя так рано. – Раздались легкие шаги из темноты комнат.

– Аелла, не зажигай свет. Я не тот, кого ты ждешь. Пожалуйста, не поднимай шума. Это я, Панделис Анфопулос.

– Ты?! Почему? Как?..

– Аелла, выслушай меня.

– Ты рехнулся. С минуты на минуту придет Шахин!

– Кто-о-о?

– Какая тебе разница. Да, я его любовница, Панделис. Или нет, любимая наложница. Он снимает эти апартаменты, чтобы встречаться со мной. Я ни слова упрека тебе не сказала, когда ты женился на Василики. Это твой выбор. Хотя, – Аелла усмехнулась, – а куда деваться, коль беременна?

– Аелла, замолчи, прошу тебя. Я пришел как друг. Пришел за помощью. Клянусь, ни одним словом никогда не обижу тебя.

– А что это за маскарад? – Аелла дернула за петлицу на кителе. – Немецкий офицер – уж не доктор ли Панайотис?

– Откуда ты его знаешь?

– Ты все забыл, Панделис. У меня родственники живут на полпути к Пафре, аккурат в том селе. Мне горько и смешно на вас смотреть. Но, может, я одна все вижу. Дай-то Бог.

– Аелла, когда я сегодня увидел тебя, то сердце едва не остановилось.

– Не начинай, прошу тебя. – Она вдруг сделала шаг вперед и уронила голову ему на грудь. – Он, конечно, убудок еще тот. Но мне некуда идти. Кому я теперь нужна запятнанная? А здесь меня хорошо кормят, иногда покупают вещи и подарки. Я даже немного могу отложить денег на черный день. Мать с отцом не пережили моего позора. Чего мне теперь одной... Живу, как есть. – Девушка махнула рукой. – Ты боишься, что я проболтаюсь? Нет. Только если пытаться начнет, а боли я боюсь. И ты боишься, просто не знаешь, что это такое.

– Знаю. Теперь я тоже знаю. Василики умерла сразу после родов. Ребенок остался у кормилицы. – Панделис уронил голову. – Отец не переживет, если узнает.

– О Господи! За что нам всем это! Я очень сочувствую тебе, но не могу поверить своим глазам. Вот ты передо мной. А зачем? Почему?

– Я хочу помочь брату. У них совсем нет оружия. Несколько дней назад я передал партизанам только десяток охотничьих ружей. Они не смогут противостоять, когда придут солдаты регулярной армии или жандармы.

– Как же ты собираешься помочь?

– У нас есть один план.

– Не расскажешь мне?

– Я еще толком сам не знаю. План-то есть, но пока он не у меня, а у доктора.

– Знаешь, что я хочу сейчас больше всего, Панделис? Чтобы ты исчез. Ты ведь можешь сломать даже то, что я сейчас называю жизнью. Вот это позорное существование в качестве любовницы и потаскухи я в данный момент очень ценю. Я не хочу снова голодать и ходить за милостыней. Понимаешь?

– Понимаю. – Панделис кивнул. – Но ты ведь можешь нам помочь. Всем грекам. Кто еще так близко находится к нему?

– Чтобы в благодарность получить плевки и оскорбления. Нет. Уходи. Даже сейчас, глядя на тебя, на твои руки, что когда-то гладили мои волосы, я не могу поверить тебе. Все это однажды уже было. Меня снова назовут шлюхой и с позором выгонят прочь. И ты будешь в их рядах.

– Аелла. Вот смотри. – Панделис метнулся к столику. Он взял перо, обмакнул в чернильницу и начал писать: «Я, Панделис Анфопулос, обещаю Аелле Ионидис, что никогда ее...»

– Панделис, беги! Он идет. Это Шахин. Быстрее. Лучше на балкон и попробуй прыгнуть! Едва Панделис скрылся за плотной шторой, отделяющей пространство балкона от комнаты, как в коридоре раздались твердые, печатные шаги армейских ботинок.

Аелла встала у двери, поправляя прическу, ругая себя за то, что не успела подойти к зеркалу.

– А чего же в темноте? – Шахин на ходу снял кабалак и аккуратно вместе с неразлучным хлыстом положил на полку в прихожей.

– Карадюмак, дорогой. Я зажалась. Все глаза проглядела, не заметила даже, как солнце село.

– Такое с женщинами бывает. Сегодня был забавный денек: сначала комичная троица в чайхане, потом ссора с одним банкиром. Ну ничего, банкиру уже недолго осталось.

– Что за троица? – Аелла начала зажигать свечи.

– Такое тебе, наверно, трудно представить. Да и я бы со слов не поверил, кабы не увидел своими глазами. Представь себе турка в форме немецкого майора в замызганной повозке, да еще с наклеенными бакенбардами. Если бы не его безупречный немецкий, то я бы подумал Аллах знает что! Оказалось, что у него ливийские корни по матери, а отец археолог. Вот вам и раскопки, понимаете ли...

Шахин плюхнулся в кресло, закинув ноги на столик, и вперился взглядом в полоску тьмы между двумя балконными шторами.

– Позволь я сниму с тебя обувь, дорогой?!

– Валяй! – Ноги Шахина оказались точно на расписке Панделиса. – Я страшно хочу расслабиться и получить максимум удовольствия.

Аелла наклонилась, чтобы развязать ботинки, но глаза не могла отвести от смятой бумаги под ногой Шахина.

– Карадюмак, может, тебе принять ванну?

– От меня воняет немытым турком? Так вы, греки, о нас думаете?

– Ты с ума сошел! Я не делю людей по принадлежности к народностям.

– А я делю. Ну хорошо. – Нога Шахина сорвалась со столика, сгребая на пол бумагу. – Что это! – Он ошарашенно глядел на неровные буквы. – Что это! Я, Панделис Анфопулос, обещаю Аелле Ионидис, что никогда ее... Что! Что это?

– Карадюмак, позволь я тебе все объясню!

– Один Анфопулос в горах нападает и грабит, второй залез в мою спальню! А что обещает Панделис, а? Никогда не бросит Аеллу Ионидис или никогда не разлюбит! Какая же ты тварь!

Между ними мохнатым зверем ворочалась ночная мгла. Гардина, надуваемая ветром, выглядела животом беременной. Она то выкачивалась далеко вперед, трогая выпуклостью волосы Аеллы, то резко опадала, с легким шумом двигаясь по паркету. Луна буквально повисла на перилах увитого диким виноградом балкона. Желтое, круглое лицо ее блестело, как после блинов с маслом. С улицы доносились торопливые шаги случайных прохожих. Они удалялись и приближались, замирали под балконом, и у Аеллы складывалось ощущение, что их кто-то подслушивает. А подслушав, торопится разнести по Амису весть. Она молила Бога, чтобы так оно и было. Чтобы кто-то вдруг пришел на помощь, встал между ней и озверевшим мужчиной. Но лишь мгла – ленивая и равнодушная, отяжелевшая от сырости и ветра, – огромно ворочалась с боку на бок. И на самом деле всему внешнему миру было глубоко плевать на то, что сейчас произойдет с женщиной, давно потерявшей себя во мраке земных страданий.

Шахин схватил хлыст и размахнулся. Аелла едва успела спрятать лицо. Посыпались удар за ударом. Он бил ее вначале без разбора: куда попадет. Потом прицельно с оттягом, стараясь достать до самых интимных женских мест.

– Тварь! – визжал подполковник так, что под балконом стали собираться прохожие.

Аелла не сопротивлялась, а лишь просила смерть, чтобы та забрала ее. Он сорвал с нее одежду, бросил на пол и стал пинать по ногам и ягодицам, превращая их в сплошной синяк. Когда надоело бить, схватил за волосы и поволок по комнате. Но вдруг почувствовал прилив страсти. Даже сам удивился такому повороту. А потом понял, что просто любит так сильно, что готов убить. Он насиловал ее со звериной ненасытностью, выворачивая суставы и выдирая роскошные локоны. Но лицо не тронул. Что-то не давало ему искалечить ее внешность. От этого он еще больше впал в ярость. Обессиленный, залитый собственными слезами, он уснул прямо на ней. Ухоженные ногти его даже во сне продолжали царапать паркетный пол гостиницы.

А утром он встанет перед ней на колени, попросит прощения и пригласит лучшего врача Амиса. Она простит его, еще туже затянув петлю тяжелейшей, патологической зависимости на его шею и посадит на цепь, точно пса.

Он будет ненавидеть себя и тех, кто хоть каким-то образом претендует на ее внимание.

Она закроет его в тюремные стены своих неземных прелестей и сделает послушным, но вместе с тем постоянно бунтующим рабом.

Глава 4

Сколько может длиться самая печальная песня земли? Столько, сколько длится сама земля, но она круглая, а потому песня бесконечна. Как только заканчивается последняя строка, исчезая на границе моря и солнца, так из-за гор вновь появляется начальная. Первая строка – еле слышно одиноким голосом потерявшегося ветерка, вторая – уже громче, а третью начинают подхватывать кроны деревьев, к ним присоединяются сверкающие ручьи. А на припеве вступают реки, неся ледяную глубь своих вод в долину. В такт колышутся травы и кусты, сгибаясь под тяжестью скорби. Срываются с ветвей плоды, бессильно ударя кулаками о землю. Просыпаются камни от мала до велика и смотрят вопросительно в небо, покрываясь росой. Чернеет воздух. Протяжно стонет и само Черное море, стараясь вытереть слезы у земли своей соленой ладонью.

Нож в спину.
Стань глиной.
Прахом стань на воде.
Где ты, Русия, где?!
В небе Бог высоко,
Русия далеко.
Черное, Черное море
Во все мое горе.

Бог страшно высок и безучастен. Нет и защитника. Человек видит лишь свою бесприютную тень, бесшумно скользкую уродливым призраком по осколкам посуды, по разбитой и сломанной домашней утвари, по павшему скоту, по обугленным стенам жилища. Человек говорит с тенью, как с последним живым существом, не чувствуя своего сердца, не ощущая плоти. Говорит и не узнает тембр собственного голоса, словно это не он, а кто-то, пришедший из другого мира. И тень отвечает, то удлинняясь, то падая сломленным стволом, то сливаясь с погибшими вещами. Когда-то человек видел в каждом предмете Бога, разговаривал с ним, о чем-то просил или жаловался. Теперь в ушах лишь звук, взявшийся непонятно откуда.

Дом брошен.
Не скошен
Зелен луг за рекой.
Глубоко, глубоко
Сердце прогорело,
Солнце мое село.
Черная, черная тина.
Ни жены, ни сына.

Остается одно: либо сгнать, наложив на себя руки, либо стать тем, кого еще совсем недавно презирал, боялся и считал последним отбросом мира. Преступить черту, за которой нет совести и чести. Нет любви, а значит, и добродетели. Отдать себя во власть сатаны. Стать его слугой. Переплавить отчаяние в равнодушие и жесткость. Выжечь каленым железом сострадание и жалость.

Вон горы —
Стань вором,

Спрячься в темный грот.
Бог тебя не найдет.
Богу в царстве белом
До тебя нет дела.
Черные, черные ночи.
Спит под камнем дочь.

Но страдания людские придуманы Богом для того, чтобы перерождались души. И в этом огне становились крепче и сильнее. Только смерть открывает путь для появления на свет новой жизни. Невозможно отнять у того, кто ничего не имеет. Нельзя убить сны и память – они нематериальны. Но именно из них возникает дух, создающий материю. И этот круговорот вечен, как нет конца у земли. Она круглая и замкнутая, а значит, все дороги рано или поздно сойдутся.

Ахмет Челик, сидя на плоском валуне, наблюдал закат. В кривое, раскаленное солнце, как изогнутый зуб кобры в трепещущую плоть, медленно входил пик неизвестной горы. Со стороны моря ветер подкидывал запах водорослей с примесью тошнотной гари. Капитан не оборачивался, он словно закрывался и не хотел думать о прошедшем дне. Не хотел никого видеть: ни солдат, ни наемников, ни греческого села, ни самого Карадюмака Шахина. В голове бредово переплетались слова Шахина и эллинские мифы, крики солдат и колыбельная матери, детский плач и рокот самолетного двигателя. Почему вдруг на ум пришел миф о герое, который на охоте вдруг стал превращаться в оленя? Ни имени героя, ни имени богини Челик, хоть убей, не помнил. Но зато описание страданий зарвавшегося эллина вышло на крупный план его сознания. Вот она – ужасная боль в голове, из которой стали выходить наружу рога. Боль в конечностях, превращающихся в копыта. А из глубины леса лай его же натасканных на дичь собак. Он бежит, задыхаясь, стараясь не оборачиваться, чтобы не терять времени. Но рогами запутывается в ветвях. Собаки впиваются в ляжки, рвут, выдирая с корнем мышцы и сухожилия. Одна, сомкнув клыки, повисает на горле. Так свершается месть богини. И ужас в том, что разорвали именно свои собаки, вскормленные и обласканные его рукой. Потом вдруг сказка братьев Гримм, где волк – как персонификация дикой половой энергии. И снова смерть, а после нее перерождение. Неожиданно из ночного тумана выплывает улыбка подполковника, его лысеющий череп, зубы откусывают слова о нужнике. Какой, к дэву, нужник!

Челик смотрит на лагерь. В нескольких метрах от большой палатки Шахина – маленькая, это его нужник. Но зачем так акцентировать внимание, словно у него какие-то секреты, связанные с особенностями физиологии. Прочь. Прочь. Ахмет рукой пытается отогнать от глаз набравшие картинки. Но не так-то просто. Шахин садится по нужде орлом над ямкой, а его хвост виляет во все стороны, отгоняя назойливых мух. Из лысины проступают маленькие рожки, а верхние клыки удлиняются чуть ли не до подбородка, с губы повисает длинная желтая слюна. В углу беззубого рта дымится сигара. Он громко кряхтит и тужится, помогая длинным ногтем извлечь закаменевший кал. Нюхает ноготь и расплывается от уха до уха в улыбке. Между крупных, лошадиных зубов щербатится зловонная тьма. Вот он возвращается к столу, с глазами, высверкивающими похоть. Садится, сворачивая бескостные ноги в кольцо. А напротив него та самая богиня, превратившая человека в оленя. Они громко чавкают, то и дело запивая взрывы гомерического хохота коричневатым вонючим напитком. А потом в его нужник отправляется богиня.

– Э-э, юзбаши Ахмет-ага! Вы очень долго здесь сидите. Засыпать на камне нельзя – можно застудить почки. – Турок тряс за плечо Челика, с восточной важностью вскидывая указательный палец вверх.

– А-а что, уже ночь?

– Так точно, ночь, юзбаши Челик-эфенди. Вас просит зайти уважаемый кюмакам Шахин. Он в своей палатке.

Волна тошноты резко подступила к горлу Челика. Он тряхнул несколько раз головой, оторвался от валуна. Турок услужливо поддержал за локоть и еще раз указал рукой на палатку подполковника.

Но идти нужно. Армия держится на подчинении. Потом, после возвращения, неплохо бы написать рапорт начальству. Хотя о чем? Ничего же не видел, только сплошные догадки. Надо своими ногами спуститься в это село и все самому оценить.

Челик приоткрыл полог. Едва опять не стошнило, еще хуже, чем во сне. Пахло какой-то сладковатой вонью, как из логова содомитов. Он едва сдержался, чтобы не зажать нос... «Да что это со мной?.. Капитан Челик, ты сам себе надумал какую-то тину. Тебе не в армии служить, а бабьими чулками торговать».

– Заходите, дорогой Челик! – кашлянул из глубины сигарный голос Шахина. – Сегодня был славный денек! А я вот почитываю поэтические сочинения какого-то малоизвестного дервиша. Вам знаком фарси?

Подполковник откладывает в сторону книжицу в кожаном переплете и жестом приглашает к столу:

– Как вам такая строка: «Я умираю из тебя!» Пафосно, скажете. В Европе пишут по-другому. Но все же... достаточно остро, если совпадает с настроением читателя. Глагол «ухожу» автор заменил на «умираю». То есть окончательно, бесповоротно. «Умираю» больше, чем «ухожу», ибо, уйдя, можно вернуться, а умереть – значит переродиться, то есть стать другим.

...Аллах всемогущий, он что, подсматривал мой сон?! Как он вообще все это совмещает?.. Капитан подсел к столу.

– Доброй ночи, господин подполковник! К моему глубокому сожалению, боюсь, не смогу составить вам компанию по части эстетических погружений. Вот если бы мы поговорили о преимуществах и недостатках моего моноплана!

– А разве любовь – это не полет? Мне всегда казалось, что ваша профессия напрямую связана с этим чувством. Русские придумали слово «летчик». Емко и коротко, уверен, что оно закрепится в обиходе.

– Русские много чего изобрели, но в силу особенностей своего характера не смогли свои же изобретения удержать и возглавить. А почему вы вдруг с любви перешли на русских?

– М-да, – Шахин сделал вид, что не заметил последнего вопроса, – европейцы считают, что они наследники Гомера, которого первыми перевели арабы. Уже с арабского переводили немцы. Представляете, какой круг? А русских эти знания миновали. Я действительно сумбурен. Но только на первый взгляд. Нам вновь придется столкнуться с русскими. Я к тому, что мы ничего не знаем об их сознании, поэтому проигрываем. Если европейцев можно изучить, ну или хотя бы представить, опираясь на Гомера, просчитать, понять, найти общий язык, то как быть с русскими? Проигрыш в войне – это отсутствие глубинных знаний о противнике. Почему Искандер Двурогий легко победил персов и многие народы, но надломился в Индии? То же произошло с Чингисханом. И англичане уйдут. Вы понимаете, куда я клоню?

– Да, Карадюмак-ага. Но сегодня был настолько трудный день, что, признаюсь, голова моя как в тумане.

– Зато мне легко. Я бы вам тоже советовал влюбиться. Это освежает, делает мозг и все тело более выносливыми. Когда-то Талаат-паше привели девушку. Армянку. Она своими ласками должна была спасти какой-то населенный пункт от избиения. Ну не важно какой. Красивая и юная, она лежала на высоком столе. Разлитое по спальне солнце блаженствовало на ее нежнейшем пухе, который покрывал все тело. И что сделал Талаат? Он взял опасную бритву и медленно, очень медленно побрил девушку от основания шеи до самых подошв. И отпустил, не

прикоснувшись. А тот населенный пункт сровнял с землей. Он им дал понять своим поступком, что если хотите договориться со мной, то сделайте так, как привык я.

По плечам капитана пробежала крупная дрожь. Ему показалось на мгновение, что перед ним не человек из такой же плоти и крови, а какое-то существо из мифов и страшных сказок. Ему невыносимо хотелось пойти прочь из палатки подполковника на свежий воздух.

– Ну я, собственно, не за этим, – Шахин потянулся к ларю, – вас пригласил. Вы хорошо сегодня поработали. Показали нашу мощь и своим появлением окончательно добились греков. Поэтому разрешите вас премировать. Десять золотых. Как? Неплохо, да? Какая у вас зарплата в эскадрилье? Небось это за несколько месяцев сразу!

– Спасибо, Шахин-эфенди, мне неплохо платят. И мне не на что жаловаться. – Челик понял, что подполковник с помощью золота делает его соучастником каких-то своих дел. Даже на расстоянии от монет исходил горький запах полыни с примесью человеческого терпкого пота. Падая по одной на стол, они издавали резкий звон, в котором ему чудился человеческий крик.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.